

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

ТРЕТИЙ ДОЛЖЕН УЙТИ

Владимир Колычев
Третий должен уйти

«ЭКСМО»

2014

Колычев В. Г.

Третий должен уйти / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2014

У Вадима Нефедова все в жизни было прекрасно: успешный бизнес, шикарный дом, роскошный автомобиль и любящая семья. Но в один прекрасный день все рухнуло: Вадим узнал, что жена ему изменяет. Бизнесмен выследил квартиру, в которой его благоверная встречалась с любовником, ворвался туда и вдруг получил сокрушительный удар по голове. Он потерял сознание, а когда очнулся, обнаружил рядом с собой окровавленный труп мужчины. Вадим понял, что его жестоко подставили. Он не стал сдаваться властям, а решил самостоятельно найти убийцу и тем самым доказать свою непричастность к преступлению...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Колычев

Третий должен уйти

© Колычев В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Хороший сегодня выдался денек – жаркий, солнечный, а главное, ветренный. Вечером у меня свидание с Ладой, мы поедem на реку – сначала искупаемcя, а потом я буду ее согревать. Это хорошо у меня получается, девчонкам нравится. Одна беда – комаров на речке сейчас много, молодому делу они не очень мешают, но без них все-таки лучше. Может, ветер и не разгонит эту кровососущую живность, но такого беснования, как в прошлый раз, уже не будет... Правда, в прошлый раз я был с Таней...

Начальник согласился отпустить меня пораньше – в счет прошлого воскресенья, которое было испорчено квартирной кражей. Сначала вызов на место происшествия, потом розыск по горячим следам. Набегались мы тогда...

Я уже собирался уходить, когда в кабинет заглянул майор Мигарев. Невысокий, худощавый, можно даже сказать, неказистый. Он осознавал собственный недобор в росте, поэтому старался ходить с высоко поднятой головой и при этом плечи расправлял. А в особых случаях ходил, как могло показаться, вприпрыжку. Именно такой пружинистой походкой он и зашел в кабинет. Верный признак чрезвычайного происшествия. Глянув на своего начальника, я понял, что вечер накрылся медным тазом. Так и оказалось. Убийство – это серьезно, в таких случаях на отгулы кладут с прибором...

Хороший сегодня выдался денек. Чтобы умереть... Так я подумал, увидев покойника. Крамольная мысль, циничная, но я не собирался каяться. Работа у меня такая – грубая, жесткая, от нее и характер черствеет, и душа.

Мужчина лежал на полу с ножом в сердце. Четкий удар, хорошо поставленный. Судя по рукоятке, клинок у ножа длинный, широкий, и вошел он в тело на всю длину. Мне даже не требовалось мнения эксперта, чтобы оценить ситуацию. Тут явно действовал профессионал. Или спецназовец, или прожженный уголовник, а может, живодер со скотобойни... Крупный мужчина, мощный, а его с одного удара...

– Ну, чего стоим, чего боимся? – спросил Мигарев. – Давай по соседям!

Я усмехнулся, вспомнив, как мы выезжали на убийство в прошлый раз. Мигарев тогда сам отправился по свидетелям, а меня и Юру Станкова оставил в помощь экспертам. Труп всю зиму пролежал в подвале жилого дома, там такая вонь была – вспомнить противно. И нам с Юрой пришлось выносить это полуразложившееся тело. А здесь труп совсем свежий...

Я достал из кармана телефон, поймал в объектив лицо покойника, сфотографировал его. Это не для «Ю-Туба», а для дела.

Труп обнаружили жильцы дома. Кто-то позвонил на «ноль-два» с мобильного, оперативный дежурный выслал наряд... Но кто звонил, пока не понятно. Нет этого человека, а хотелось бы с ним поговорить.

Я вышел из квартиры и увидел пожилую женщину, которая с трудом поднималась на лестнице на толстых, артритных ногах. Она смотрела на меня большими глазами, порываясь что-то сказать.

– Здравствуйте! Капитан Уланов, уголовный розыск! – Я представился так, как будто был волонтером из социальной службы помощи пожилым людям. И улыбка у меня была в стиле «Что вам угодно?».

– Да, да, я уже знаю!.. Кого-то здесь убили! – Женщина запыхалась, поэтому говорила тяжело, сбивчиво.

Личность покойного уже установили, некто Чайков Михаил Витальевич, семьдесят четвертого года рождения. Права у него нашли и техпаспорт на «Икс Пятый» «БМВ», который стоял сейчас во дворе.

Дорогая машина, и костюмчик у Чайкова не из дешевых. Чувствовалось, что мужик непростой.

– А вы не знаете, кого?

– Да нет! Не знаю! А тридцать шестую квартиру знаю! Как услышала, что здесь произошло убийство, так сразу к вам!

– И что вы можете сказать про тридцать шестую квартиру?

– Ну, квартира как квартира. Зинка Снежкова ее сдает.

– Кому?

– Да разным, то одним, то другим. Место у нас хорошее, центр города, магазины...

– Место у вас хорошее, – вежливо сказал я, осаживая женщину. – И люди здесь живут хорошие. Добрые, отзывчивые, всегда помогут родной полиции... Вот вы, например, очень отзывчивая женщина... Э-э...

– Алла Григорьевна!

– Так что, Алла Григорьевна, в этой квартире странного?

– Ну подъезжала тут одна, на машине. Дорогущая машина! И она сама вся такая – ой-ей-ей! Или сама наворовала, или муж!..

– Здесь она жила? – кивнул я на тридцать шестую квартиру.

– Ну, стала бы она здесь жить! Но приезжала!

– К кому?

– Да вот не знает никто... Приехала, встретила тут с кем-то, а потом ее муж подъехал, спрашивал за нее. Фотографию показал... Мы так поняли, здесь любовный притон был! А сегодня эта машина во дворе стояла! Вот!

– Это уже интересно... А номер машины запомнили?

– Нет, не запомнила.

– Это плохо.

– Но записала! – широко улыбнулась женщина.

– А вот это хорошо!

– Подозрительная дамочка, как не запомнить!

– А почему подозрительная?

– Так спрашивали же о ней!

– И сегодня она была в тридцать шестой квартире?

– Ну, наверное...

– Вы ее видели?

– Машину видела, а ее нет. Но если людей спросить, они скажут...

– А в квартиру кто сегодня заходил?

– Ну, я не знаю... А кого там убили?

Я показал фотографию с телефона, но женщина покойника не узнала. Тогда я назвал имя и фамилию потерпевшего – ноль реакции. Пришлось вести Аллу Григорьевну в квартиру. Такая самостоятельность не приветствовалась, но я рискнул. И, как оказалось, дежурный следователь покосился на меня не зря. Не узнала женщина покойного.

Я вывел Аллу Григорьевну из квартиры, проводил ее домой, получив за это в награду номер подозрительной машины. Запрос в ГИБДД сделал сам, был у меня там хороший друг, он обещал решить вопрос за десять-пятнадцать минут.

Алла Григорьевна подсказала мне, к кому в первую очередь обратиться за содействием. Она и сама хотела сходить со мной в двадцать четвертую квартиру, но у нее жутко разболелись ноги.

Я спустился на первый этаж. Дверь в двадцать четвертую квартиру открылась сразу, едва только нажал на клавишу звонка. Маленькая сухонькая женщина лет шестидесяти смотрела

на меня в полной боевой готовности ответить на мои вопросы. Похоже, она ждала, когда я к ней загляну.

Ситуацию объяснять не пришлось, Варвара Евгеньевна уже все знала. И дамочку из дорогой машины она видела, и мужчину, которого и опознала по фотографии покойного. Сначала женщина в подъезд зашла, а потом появился мужчина.

– И этот бежал как на пожар! Я еще думала, может, в полицию позвонить! А та сама подъехала. Валентина пришла, убили, говорят... – всплеснула руками женщина.

– А кто еще как на пожар бежал? Дамочка из машины?

– Да нет, она спокойно шла. В смысле, не торопилась. Но видно было, что нервничает...

– Когда это было, в каком часу?

– В четырнадцать часов пятнадцать минут! – с гордостью за себя отрапортовала Варвара Евгеньевна. – Я как увидела ее, так сразу на часы посмотрела. Ею же интересовались. Одни говорят, муж, другие, что из полиции...

– А Чайков когда появился?

– Ну, где-то через час после этого... Ну, спешит и спешит! Мне-то что?

– А еще кто спешил?

– Тут у нас сегодня прямо выставка дорогих машин была! Этот на «Мерседесе» приехал. Большая машина, красивая... Точно знаю, что «Мерседес»! Сначала дамочка появилась, потом он, ну а потом и Чайков...

– А куда этот, из «Мерседеса» который, спешил?

– Не знаю... Может, и не из «Мерседеса» он был. Может, я не так поняла... Смотрю, какой-то мужчина в костюме зашел, ну и подумала, что из «Мерседеса». Я его даже в лицо не успела разглядеть...

– И когда он появился?

– Где-то через полчаса после дамочки.

– Значит, сначала она, потом он? А как выходили, в какой последовательности?

– Кто выходил? Дамочка?... Не видела, – виновато вздохнула Варвара Евгеньевна.

– Что так?

– Да сериал начался, там такие страсти... Если бы я знала, что и в жизни так...

Я уходил от Варвары Евгеньевны, когда позвонили из ГИБДД.

Мигарев стоял на лестничной площадке между третьим и четвертым этажом и курил в компании дежурного следователя.

– Ну, что скажешь, Севастьян? – спросил начальник. – Нарыл что-то?

– Пока только пыль сдул. Тут и любовница вырисовывается, и любовник, и разгневанный муж. Любовница – некая Нефедова Серафима Платоновна, наша, местная, родилась в Горанске, прописана в Архиповке...

– Это уже что-то, – довольно кивнул следователь.

– Сначала появилась Нефедова, потом, возможно, ее муж, затем – любовник.

– Какая-то странная последовательность. Обычно муж появляется в конце...

– Я бы сказал, что мужа и убили, – пожал я плечами. – Пришел разобраться и попал. Но тут по фамилиям нестыковка...

– Товарищи офицеры! – скомандовал вдруг Мигарев.

По лестнице к нам поднимался начальник райотдела внутренних дел. Львиная статья, ястребиный взгляд из-под рысьих бровей. Полковник Шкотов начинал службу в Горанске с лейтенанта, сыскное дело знал не по книжкам. Мощный мужик, грозный, суровый, но справедливый.

– Что у нас тут? – грозным басом спросил он, проходя мимо меня.

– Похоже на любовный треугольник, – сказал Мигарев.

– С острым стальным углом... – добавил я. – Аж по самую рукоятку.

Шкотов повел ухом, но шаг не замедлил. Мы потянулись за ним.

Он зашел в квартиру, глянул на покойника:

– Как фамилия убитого?

– Чайков, – не замедлил с ответом Мигарев.

– М-да.

– Что такое, Андрей Иванович?

– Не знаешь, кто такой Чайков? Ну да, его же еще в девяносто пятом посадили.

– Вы его знаете?

– Знаю. Я всех наших местных авторитетов знаю. И с Чайковым приходилось иметь дело.

Значит, все-таки вынесло его к нам. А я думал, он где-то в зоне сгинул... Любовный треугольник, говорите?

– По всей видимости, да, – ответил Мигарев и бросил на меня многозначительный взгляд.

Сам он ничего толком не понял, поэтому «передал микрофон» мне. Пришлось излагать свою версию.

– Как ты говоришь, Нефедова? – пронзительно посмотрел на меня Шкотов.

– Ну да, Нефедова. Из Архиповки. Тут недалеко... Деревенская дамочка на «Порше».

Машине всего полтора года...

– А кто такой Нефедов, знаешь?

– Ну-у...

– Гну! На нем весь наш районный бюджет держится.

– На Нефедове? – оторопело переспросил я.

Но Шкотов уже забыл обо мне. Он напряженно думал, приложив палец к подбородку.

– Сергей Артурович! – обратился к следователю криминалист, показывая ему железный арматурный прут, который нашли неподалеку от покойника. – Я утверждать не могу, но, похоже, здесь следы крови. Волосы. Думаю, этим прутком кого-то ударили по голове, причем совсем недавно. У потерпевшего на голове раны нет...

– И что это значит? – Шкотов пристально посмотрел на эксперта.

– Ну, судя по всему, здесь была драка. Коврик в прихожей смят, ваза перевернута, стол неровно стоит...

– Все правильно. Муж застал жену с любовником и устроил драку с летальным исходом, – предположил Мигарев.

– Кровать в спальне не расправлена, – покачал головой эксперт. – Даже не смята. И диван заправлен...

– Так у нас и последовательность не совсем классическая. Сначала подъехала жена, за ней – муж, а потом только появился любовник. Опоздал любовник...

– А муж кто, Нефедов? – уточнил Шкотов, и судя по выражению его лица, ему совсем не хотелось, чтобы этот человек остался крайним.

– Ну, наверное...

– А кто его видел?

– Женщина его видела, гражданка Ромашова. На «Мерседесе» подъехал, спешил очень.

Так быстро промелькнул, что она его разглядеть не успела, – ответил я.

– Не разглядела?

– Не разглядела.

– Тогда о чем разговор?

– Ну, «Мерседес», сказала, был...

– «Мерседесов» сейчас как грязи... Не было никакого Нефедова. Пока железобетонные доказательства не появятся, не было!

– Это будет нетрудно, – покачал головой эксперт. – На орудии убийства отпечатки пальцев, по ним и определим убийцу.

– Определили?

- Ну, пока только работаем...
- А если это все-таки Нефедов? А если он не привлекался? Насколько я знаю, он в криминале не состоял...
- Снимем с него пальчики, сверим.
- А на каком основании снимем? Без оснований к нему не подъедешь.
- Ну, я похожу, поспрашиваю, – предложил я. – Может, кто железобетонно Нефедова видел, тогда и основания будут...
- Пойдешь. Обязательно пойдешь... Прямо сейчас и пойдешь. – Шкотов кивком головы показал на дверь.
- Мы вышли на лестничную площадку, спустились во двор.
- Знаешь, кто такой Нефедов? – останавливаясь, спросил начальник.
- Большой человек. Ну, если на нем наш район держится...
- Хочешь посмотреть, как он живет?
- Андрей Иванович, вы говорите загадками.
- Тут не все так просто... Я бы и сам поехал, но у меня погоны, звезды. А у тебя пока только звездочки. Парень ты, Уланов, грамотный, но веса тебе пока еще не хватает. А если я подъеду, сразу поймут, что дело дрянь. В общем, поедешь сейчас в Архиповку, поговоришь с Нефедовым, посмотришь, как он на тебя реагирует. Скажешь... Ну, представься участковым, скажи, что соседи на него жалуются. Да тут и не важно, что ты придумаешь, тут важна сама реакция. Нефедов человек очень большой, если за ним все чисто, тебя пошлют далеко и нецензурно. А если что-то есть за душой, гнать тебя не будут. Возможно, даже до разговора снизойдут. Может, и узнаешь что... А если не снизойдут, далеко не уходи. Возле дома стой. И наблюдай, что там да как. Вдруг Нефедов скрыться попытается. Машина у тебя вроде ничего, догонишь, если что...
- На зарплату старшего оперуполномоченного уголовного розыска сильно не разгуляешься, но у меня родители неплохо на ногах стоят. Не богатеи, но машину новую купили. Отец взял внедорожник «Ниссан», а мне отдал не первой молодости «Фокус». Так что Нефедов, если что, от меня не уйдет.

Глава 2

Скажи, какой у тебя дом, и я скажу, кто ты... Про Нефедова я мог сказать точно – человек он реально крутой. Не дом у него, а дворец. Это было видно даже из-за высокого кирпичного забора. Флигеля, портики, колоннады, террасы, все такое прочее...

Я еще только подходил к воротам, когда из калитки вышел крепкого сложения парень в черной униформе охранника. Он молчал, но его взгляд требовал от меня полного отчета.

Я представился, но мое звание и должность не произвели на парня никакого впечатления.

– И что?

– Гражданка Нефедова здесь живет?

– Допустим.

– А машина у нее какая? «Порше Кайен»? – Я назвал регистрационный номер.

– Есть такая, и что?

– Да вот информация прошла, что машина в угоне.

– Как в угоне? Здесь машина.

– Уверен?

– Уверен. – Охранник взглядом показал на мой «Форд», дескать, мне пора сваливать.

– И Нефедова на ней спокойно ездит?

– Я не знаю, кто на чем ездит, – замкнулся парень.

– Не хочешь говорить? Не хочешь хозяйку подставлять? Это правильно... Дело-то серьезное. Человека сегодня сбили. Ваш «Кайен» засветился...

– Человека сбили? – озадачился секьюрити.

– Ну, не насмерть... На машину можно глянуть?

– Здесь побудь.

Парень скрылся за калиткой, минут через десять вернулся, попросил у меня удостоверение, тщательно его изучил. И снова исчез. Как я понял, он собирался звонить в РОВД.

Наконец охранник вернулся и, позвав меня за собой, провел в каменную беседку под сенью пышных раскидистых ив.

Я еще не успел заскучать, как появилась молодая женщина с хорошей фигурой и необыкновенно милыми чертами лица. Насколько я знал, Серафиме Нефедовой было тридцать лет, но эта женщина выглядела гораздо моложе – возможно, за счет своего ангельского личика и по-детски простодушного взгляда. Футболка на ней, джинсы, кроссовки. Походка мягкая, женственная, но не манерная. Она и не собиралась кокетничать передо мной.

– Здравствуйте! Капитан Уланов! – отчеканил я, вытягиваясь во все свои сто восемьдесят пять сантиметров.

Очень уж захотелось произвести выгодное впечатление на эту женщину, которую при всех ее достоинствах язык не поворачивался назвать красоткой. Слишком это вульгарное для нее слово.

– Здравствуйте.

Голос у Серафимы такой же нежный, как и она сама. Нежный, певучий. И на контакт она шла охотно, хотя и без всякого желания. Казалось, ее совсем не интересуют молодые, спортивного вида мужчины... Трудно было поверить, что под ее ангельской внешностью может скрываться дьявол.

А ведь Нефедова чувствовала за собой вину, иначе бы не вышла ко мне.

– Серафима Платоновна, у меня к вам всего лишь один вопрос. Вы были сегодня в Горанске?

– Была.

– В какое время?

- Днем. – Женщина смотрела на меня внимательно, но без тревоги во взгляде.
- Где вы находились в четырнадцать часов пятнадцать минут?
- Я встречалась со своим любимым мужчиной.

Если бы у меня во рту сейчас находилась жевательная резинка, я бы точно подавился, а так всего лишь чересчур хватанул воздуха. Я и в мыслях не мог допустить, что эта милая нежная женщина признается мне в порочных связях с такой легкостью.

Я впал в состояние прострации, а Серафима спокойно смотрела на меня своими ангельскими глазками.

- У любовника? – удалось мне наконец выдавить из себя.
- Я встречалась с любимым мужчиной.
- С мужем?
- Нет, не с мужем.
- Может, скажете адрес, где вы встречались?
- Улица Полевого, дом сорок семь, квартира сорок.
- Квартира сорок?
- У вас плохо со слухом? – Серафима посмотрела на меня как врач на пациента, который

нуждался в ее помощи.

- Дело в том, что вы никого сегодня не сбивали.

Нефедова удивленно повела бровью. В глазах ее отразилась по-детски наивная обида, и нижняя губка капризно оттопырилась. Она спрашивала меня, зачем я ее обманул.

- Сегодня в доме номер сорок семь на улице Полевого произошло убийство.

Серафима молча пожала плечами. Казалось, она искренне ничего не понимает. Ну, не причастна она к убийству, и все.

- Вы знаете Чайкова Михаила Витальевича? – в лоб спросил я.

Но и этот снаряд не пробил ее крепкую броню, которая с виду казалась такой хрупкой.

- Нет.
- Вы не с ним сегодня встречались?
- Нет.

Она не задавала встречных вопросов, какими ошетиняются практически все без исключения подозреваемые. А в чем, собственно, дело? Почему вы спрашиваете? На каком основании вы меня подозреваете... А у нее без экивоков – нет, и точка. И без всякого лукавства... Или в этой женщине таился дьявол, искушенный в коварном лицедействе, или она действительно ничего не понимала.

- А с любовником вы встречались в тридцать шестой квартире?
- С любимым мужчиной, – поправила она.
- Но в тридцать шестой квартире? – давил я.
- В сороковой.
- И ваш любимый мужчина может это подтвердить?
- Да, конечно.
- Как его зовут? Фамилия, имя, адрес?
- Я не скажу, – с аутичным спокойствием бросила она.
- Да, но вам нужно алиби!..
- Вы меня в чем-то подозреваете? – наконец-то забеспокоилась Серафима.

– Да, подозреваем... Дело в том, что раньше со своим любимым мужчиной вы встречались в квартире номер тридцать шесть.

– Да, встречалась, – не стала отрицать она. – Всего два раза. Потом Миша снял квартиру этажом выше.

- Миша?
- Да, его зовут Миша.

- Чайков Михаил Витальевич!
- Я не знаю, как его фамилия.
- Уфф!.. – выдохнул я, пятерней взъерошив свои волосы.
- Вам плохо?
- Да нет, просто я в шоке...

Серафима подняла руку, и стоящий неподалеку охранник метнулся к ней. Она велела связаться с какой-то Антониной Петровной, чтобы она подала нам кофе.

Я воспользовался паузой и позвонил Юре Станкову, вкратце объяснил ситуацию и попросил выяснить, кто проживает в сороковой квартире. Выяснить и взять на контроль...

– Вы хоть понимаете, в какой ситуации оказались? – в предвкушении торжества спросил я.

- В какой?
- Я вас не тянул за язык, вы сами все сказали...

– Что я сказала? – Казалось, Серафима действительно не понимала, в какую историю вляпалась.

– Вы признались, что у вас есть любовник.

– Любимый мужчина.

– А есть разница?

– Есть, и большая. Любовник – это стыдно, а любимый мужчина – нет, – совершенно серьезно проговорила она.

Я очумело смотрел на нее. Или она издевалась надо мной, или у нее не все в порядке с головой.

– И ваш муж признает эту разницу?

– Нет, – опустив голову, тихо сказала она. – Поэтому мы не живем вместе. Он ушел от меня.

– То есть он знает о любовнике? В смысле, о вашем любимом мужчине?

– Да, он знает, что я полюбила другого человека.

– Феноменально!

Серафима нахмурилась и обиженно посмотрела на меня, ясно давая понять, что не нуждается в комментариях.

– И ваш муж не пытался набить морду вашему любимому мужчине?.. Э-э, извините, физиономию...

– Он хотел. Но я ему не сказала, кто он такой.

– Почему?

– Вот именно потому и не сказала...

– Ваш муж – страшный человек?

– Мой муж – самый лучший мужчина на свете, – ничуть в том не сомневаясь, ответила Нефедова.

– Вы так считаете?

– Я это знаю.

– И при этом вы ему изменяете?

– Вы кто, психоаналитик? – убивающе спокойно спросила Серафима.

– Боюсь, что психоаналитик понадобится мне самому. А еще лучше, психотерапевт.

Она никак не отреагировала на мою колкость. Ей все равно, в ком и в чем я нуждаюсь. Ей вообще нет до меня дела.

– Значит, ваш муж не знал, кто ваш любовник?

– Нет.

– А сегодня вдруг узнал! И приехал, чтобы набить ему морду!

– Кто вам такое сказал?

– Вашего мужа сегодня видели во дворе сорок седьмого дома. Это было через полчаса после того, как вы, Серафима Платоновна, зашли в этот дом.

Я выдал непроверенную информацию, но в нашем деле – это обычная практика. Неопровержимые доказательства нужны для суда, а в стадии розыска и следствия оправдана любая дезинформация, способная расшатать защиту подозреваемого.

– Я этого не знала, – нахмурилась Серафима.

– И машину его не видели?

– Нет.

– В какое время вы ушли от своего... э-э, любимого мужчины?

– В районе четырех часов... – Она задумалась. – Ближе к половине четвертого.

– Спокойно вышли из тридцать шестой квартиры, сели в свою машину...

– Да, вышла, да, села в свою машину.

– И ничего, что в тридцать шестой квартире в это время находился труп?

– Я этого не знала.

– Но вы же вышли из тридцать шестой квартиры.

– Я вышла из сороковой квартиры.

У меня зазвонил телефон, я сухо извинился и ответил на вызов. Оказалось, что в сороковой квартире никого не было, а проживал там некто Лукьянов Николай Владиславович, семидесятого года рождения, местный пьяница и тунеядец.

– Значит, вашего любимого мужчину зовут Миша? – продолжил я.

– Миша.

– А фамилию его не знаете?

– Нет. Я не спрашивала, он не говорил.

– Но что-то вы про него знаете?

– Да, знаю. У него больная жена, и он не может от нее уйти. И еще его жена не должна знать о наших отношениях, это ее убьет. Поэтому я вам про него ничего не скажу, – спокойно, на одной ноте проговорила Нефедова.

Вид у нее был настолько серьезным, что трудно было не заподозрить неладное. Видно, ее любовник тот еще фрукт. Больная жена, которую нет возможности бросить, страх перед оглаской. А Серафима та самая дурочка, которая способна поверить в эту чушь...

– Ничего?

– Ничего.

– А может, его жена и так все узнает? Может, его уже и в живых нет?

Я достал телефон, вывел на дисплей изображение покойного Чайкова. Зрелище не для слабонервных, и Серафима не смогла остаться равнодушной, глянув на лицо мертвеца. Но узнавания в ее глазах я не заметил.

– Это Миша, – сказал я.

– Нет, – покачала она головой. – Это не Миша.

– Михаил Витальевич Чайков.

– Это не мой Миша.

– Но его убили. В тридцать шестой квартире, где вы встречались со своим Мишей.

– Да, я была в тридцать шестой квартире. Но не сегодня.

– Ну, хорошо, допустим сегодня вы были в сороковой. А почему ваш Миша из тридцать шестой квартиры переехал в сороковую?

– Он не переехал. Он просто сменил место для наших встреч.

– Зачем?

– Я не знаю.

– Это не кажется вам подозрительным?

– Не знаю, я не задумывалась.

- Мне бы хотелось поговорить с вашим Мишей.
- Я не могу вам этого запретить, – покачала головой Серафима.
- Вы скажете, как его найти?
- Нет.
- А если вам нужно алиби?
- Зачем?

Я озадаченно посмотрел на Нефедову. Нежная она, хрупкая, руки тонкие, слабые. Невозможно было поверить, что эта женщина могла ударить ножом – точно и мощно.

- А если алиби нужно вашему мужу?
- Его в чем-то подозревают? – обеспокоенно спросила Серафима.
- Может, это он убил Чайкова?
- Зачем ему это?
- Ну, не знаю...
- А чем ему может помочь Миша?

Я удивленно смотрел на эту Нефедову. Что-то было в ней инфантильное, аутичное, но при этом соображала она четко. Действительно, чем ее Миша мог помочь господину Нефедову, если они сегодня не встречались и не выясняли отношения?.. А вдруг все же выясняли? Может, Нефедов рвался сегодня в сороковую квартиру и был там, пока не попал в квартиру этажом ниже?.. Но Серафима не видела сегодня своего мужа, и я почему-то верил ей.

- И все-таки мне хотелось бы с ним поговорить, – почесав за ухом, сказал я.
- С кем?
- С Мишей.
- С каким Мишей?
- Ну, с вашим любимым мужчиной.

– О чем это вы? – Нефедова смотрела на меня с флегматичным удивлением, в котором нетрудно было различить фальшь.

- Ну, вы же говорили...

– Забудьте о том, что я вам говорила... – с убивающим спокойствием сказала она. – Я не была сегодня в тридцать шестой квартире, и кого там убили, не знаю. А с кем я сегодня встречалась, это мое личное дело.

- Но ведется следствие, рано или поздно тайное станет явным...

– Миша никого не убивал. И я тоже никого не убивала. К этому убийству мы не имеем отношения... Если вы не сможете доказать нашу причастность к убийству, а наша история будет предана огласке, я подам на вас в суд за клевету. И вы очень пожалеете об этом. – Она не угрожала, не топала ножкой, а просто констатировала факт, оставаясь при этом внешне невозмутимой.

Нефедова только с первого взгляда могла показаться простой и даже наивной, на самом же деле это было не так, и я все больше в этом убеждался.

- Она запросто могла натравить на меня свору адвокатов, с ее-то деньгами...

- А если докажу вашу причастность к убийству?

– Тогда я вам и слова не скажу. – Похоже, Серафима ничуть не сомневалась в своей невиновности.

- А как же ваш муж? Его видели во дворе сорок седьмого дома.

- Я не знаю.

– Он и раньше бывал там, спрашивал у соседей, показывал вашу фотографию, ему сказали, что вы приходите в тридцать шестую квартиру.

- Я этого не знала, – покачала головой Серафима.

Я чувствовал душевную боль в ее взгляде. За себя она не беспокоилась, а за мужа переживала.

- Может, сегодня он тоже шел в тридцать шестую квартиру?
- Я не знаю.
- Может, он убил Чайкова по ошибке?
- Вадим не мог убить человека.
- Вы в этом уверены?
- Я устала. Вы можете идти.

Глянув на меня с глубокой грустью во взгляде, она поднялась и направилась к дому. А охранник поспешил выставить меня за ворота.

Я чувствовал себя как человек, который, приняв душ, попал вдруг под фекальные брызги. Так все хорошо начиналось, и вдруг облом. И любовник у Серафимы был, и встречалась она с ним в сорок седьмом доме, а потом вдруг тупик. Плевать на суд за клевету, мне и не такими карами угрожали, смущало другое. Варвара Евгеньевна не видела Нефедова в лицо, и номера его машины не заметила, может, это вообще был какой-то другой человек. Если так, то Чайкова убил кто-то другой. Если так, то Серафима не имела к убийству никакого отношения...

Так все хорошо начиналось, но я в результате не получил оснований для того, чтобы заподозрить Нефедова в убийстве. И все-таки нутро подсказывало, что в этом деле не обошлось без него. И Серафимы...

Хотел бы я поговорить с этим человеком, но не будет его сегодня в Архиповке. Ушел он от жены, и где искать его, я не знал. А если вдруг найду, то не смогу подойти к нему... Если, конечно, он не окажется таким же покладистым, как и его жена...

Глава 3

Наступила ночь, и в Стране Дураков закипела работа. Так говорили мы в армии: там в порядке вещей только ночные дежурства и караулы, а боевая и прочая работа должна проводиться днем, если не считать учений и прочих маневров. А в полиции ночная работа – обычное дело. Особенно если произошло убийство.

Шкотов не исключал, что дело об убийстве Чайкова заберет область или даже главное управление внутренних дел, поэтому и торопился, поэтому в его кабинете и ночью горел свет. Мы же как мотыльки слетелись на этот огонек. Как бы крылышки не опалить...

Мигарев и Станков обошли всех жителей дома, но никто из них не видел Нефедова. И фотографию они раздобыли, и работу провели, а все без толку. Я к ним подключился, мы работали допоздна, но смогли найти только одну зацепку. Выудили-таки одного паренька, который не только видел «Мерседес», но признал в нем «шестисотую» модель и даже запомнил три «семерки» в регистрационном номере. Но буквенные обозначения ускользнули от его внимания...

Среди «шестисотых» «Мерседесов», зарегистрированных в Москве и области, нашлось несколько машин с тремя «семерками», одна из них принадлежала господину Нефедову. Уже что-то.

Нефедов не имел приводов в полицию, и дактилоскопическая карта на него не заводилась. Но и отпечатки пальцев, снятые с орудия убийства, не поддавались идентификации. Как и Нефедов, их носитель не проходил по специальным картотекам. Какое-никакое, а совпадение.

– Уланов, что у тебя? – спросил Шкотов, обращаясь ко мне.

О моем разговоре с Нефедовой он знал в подробностях, но я не удивился его вопросу. В нашем деле можно выудить зерно истины даже из пустоты, если пропустить ее через жернова мозговых извилин не один раз.

– Была Нефедова в сорок седьмом доме. С четырнадцати до шестнадцати часов. В сороковой квартире. Семен Анатольевич снял отпечатки.

Прежде чем вскрыть сороковую квартиру, мы попытались разыскать владельца. Бесплезно. Возможно, Лукьянов действительно сдал ее и съехал. Тунеядец он и алкоголик, такой за деньги мать родную продаст.

Квартиру мы вскрыли без соответствующего постановления, но в присутствии участкового и понятых.

Ремонт здесь делали очень давно и на тят-ляп – обои потемнели от времени, краска на полах отслаивалась, мебель убогая. Но, как ни странно, везде царил идеальная чистота.

– Семен Анатольевич, – выразительно глянул на криминалиста Андрей Иванович.

– А что, Семен Анатольевич? Ну, снял пальчики, и что? Кому они принадлежат, неизвестно...

Бровкин зевнул в кулак, всем видом давая понять, что ему давно уже пора быть дома.

– А пальчики тонкие, женские, – заметил я. – Нефедовой пальчики... И больше никаких следов. Ни-ка-ких!.. Даже постель чистая, без всяких там физиологий...

– Может, она одна в квартире была? – предположил Мигарев.

– А смысл?

– Может, порядок после всяких там, как ты говоришь, физиологий наводила?

– А зачем ей это надо?

– К следующей встрече готовилась. Вдруг она не может с мужиком, когда вокруг бардак? А может, у нее фишка такая? Меня, например, после такого дела на жор пробивает, а она убираться начинает...

– И так чисто убралась, что все пальчики своего любимого мужчины смыла... Странно все это, – пожал я плечами. – И сама она странная. Сначала выложила мне все как на духу, а потом судом грозить стала...

– Защитная реакция.

– Все равно странная... Любовник есть, а кто такой – не скажу. Как это понимать? И почему ее любовник из тридцать шестой квартиры в сороковую перебрался? Что им там, в тридцать шестой, мешало?

– Муж про нее, наверное, узнал, – оппонируя мне, сказал Мигарев.

– В таких случаях квартиру в другом доме снимают. Или даже в другом городе.

– Логично, – кивнул Шкотов.

– И не муж Серафиму искал, кто-то другой, – заметил Мигарев.

– Нефедов человек большой, и служба безопасности у него большая. Там и охрана, и частный сыск, – вслух подумал Андрей Иванович.

– Если охрана у него, почему он сам в этот дом приезжал?

– Почему сам? Если его не видели, то и охрану могли не увидеть.

– Ну, может быть... Может, кто-то из его людей про Нефедову спрашивал, – предположил я. – И охрана с ним была... Кто-то из охраны Нефедова и убил Чайкова...

– Или же не было никакого Нефедова, – покачал головой Шкотов, – только его человек и был. Может, он и убил Чайкова...

– А мотив?

– А мотив у Нефедова имелся. В прошлом у них был серьезный конфликт. Банда Чайкова наехала на его завод... Подробности прошли мимо нас, этим делом занимались руоповцы. Погиб человек Чайкова, его задушили в собственной квартире, киллера искали, не нашли. Возможно, Нефедов его заказал...

– Там в квартире, здесь в квартире, – вслух подумал я. – Там задушили, здесь зарезали...

– Аналогия, конечно, слабая, но что-то есть, – кивнул Шкотов.

– Но киллер не стал бы оставлять пальчики на ноже...

– И это верно.

– И чьи же это пальчики?

В кабинет зашел оперативный дежурный.

– Товарищ полковник, звонили из дома, который на улице Полевого. Там про Нефедова спрашивали, ориентировку на него оставили, в общем, опознали его... – Александров заглянул в лист бумаги, который держал в руке. – Жучков Борис Тимофеевич, вот. Он с работы вернулся и видел Нефедова... Говорит, тот за голову держался, когда к машине шел. Как чумной шел...

– Ну, вот и срослись персики с бубликами... – глянув на Бровкина, бодро произнес Шкотов. – Что ты там, Семен, про арматуру говорил?

– Ну, кровь там... Волос, фрагменты перхоти.

– И кого этой арматуриной ударили? «Засветился» Нефедов, по полной программе «засветился».

– Пальчиков только не хватает.

– Ничего, завтра постановление будет, подъедем к нему, отсканируем пальцы...

– А куда подъедем? – спросил я. – Дома ведь его нет.

– Офис у него в Москве. Туда и поедем.

– В Москве офис? А почему налоги он в Горанске платит?

– Там у него головной офис, а компания зарегистрирована в нашем районе, в Архиповке. Она так и называется – «Архиповский кирпичный завод»...

– И живет он в Архиповке. Может, ему далеко в Москву ездить и он на этом заводе заседает?

– Это ты о чем, Уланов?

– А вдруг они сейчас там? А тут ехать двадцать минут... Если же его нет, то хотя бы пальчики снимем. Может, у него там кабинет свой... в баре бутылка недопитая с его пальцами стоит...

– Тут сигнал поступил, – загадочно улыбнулся Мигарев, – на нефедовский завод пробрался особо опасный преступник. Надо бы территорию осмотреть. И офис обыскать.

– Смотри, Витя, сам напросился! – усмехнулся Шкотов.

Ровно через полчаса Мигарев, я и Станков подъехали к воротам кирпичного завода. Для пущей важности нам на усиление была придана группа быстрого реагирования.

Начальник заводской охраны что-то промямлил, пытаясь перекрыть нам путь на территорию, но его даже слушать не стали. В сопровождении вооруженных бойцов мы прошли в административное здание, чуть ли не силой взяли ключи от кабинета Нефедова.

Огромный кабинет, хоть мебель выноси и баскетбольную площадку здесь разбивай. Но комнаты отдыха как таковой при нем не было, а я на нее рассчитывал, надеялся застать там Нефедова.

Не было здесь Нефедова, давно уже не появлялся. И в кабинете идеальная чистота, на полированных поверхностях столов ни единого «пальчика». Но в баре действительно стояла початая бутылка, с которой Бровкин легко снял два четких отпечатка. Там же на месте он выявил их совпадение с отпечатками пальцев на орудии убийства. Результат предварительный, недостаточно точный, тем не менее...

Возможно, пальчики на бутылке оставил человек Нефедова, например, начальник его личной охраны, который потом и убил Чайкова. В любом случае мы уже располагали основанием для задержания Нефедова...

Домой мы возвращались с чувством исполненного долга, но без желания работать дальше. Хотя бы несколько часов поспать, а потом уже можно и в бой.

К своему дому я подъехал в начале четвертого ночи. Постоял немного у ворот и повернул назад.

У Нефедова еще осталось несколько часов относительно спокойной жизни, и, возможно, он ими сейчас пользуется. Может, он уже в бегах или еще только собирается. Может, он рванул к жене, чтобы забрать ее с собой. Простить и забрать... Или собирается наказать ее за измену.

Возможно, Нефедов находился сейчас где-то в Москве. Если так, мне до него не дотянуться. А до Архиповки рукой подать, и почему бы не съездить к нему домой? Скорее всего, я ничего не добьюсь, но хотя бы совесть будет спокойной. К тому же Шкотов отправлял меня в Архиповку неспроста, он хотел, чтобы я взял дом под наблюдение. И распоряжение это, кстати говоря, никто не отменял.

Одним словом, я смог уговорить себя и отправился в Архиповку.

Когда подъезжал к поселку, навстречу мне по пустынной дороге проехал «Мерседес» представительского класса. Подумав, что в нем, возможно, находится Нефедов, я развернул машину, помчался за «Мерседесом», но догнать его не смог. Автомобиль стал резко набирать ход, и мне пришлось усиленно давить на педаль газа, чтобы хотя бы удержаться у него на хвосте.

Водитель «Мерседеса» гнал как сумасшедший, и мне совсем не просто было выдерживать этот темп. Тем временем преследуемый автомобиль свернул на междугородную трассу и помчался в сторону от Москвы. Ночь – не самое лучшее время для шоссейных гонок, но, видимо, водитель «Мерседеса» этого не знал и гнал как угорелый.

«Мерседес» был быстрее моего «Форда», но сама дорога вносила ограничения в скоростной режим. На сто восемьдесят – двести километров в час любая машина становилась неуправляемой, а тут еще ночь, повороты, неизвестность впереди... Мне было чуточку проще. Преследуемая машина как бы прокладывала мне путь вперед, и пока ее не вынесло за поворот или не врезало в столб, я мог контролировать процесс. Но все-таки мне приходилось нелегко. Очень скоро бешеная гонка вымотала меня морально и физически. И устал я, и злость меня

брала – на выбоины и ухабы, которые разрушали ходовую часть моего «Форда». Машина не казенная, и никто не компенсирует мне расходы на ремонт...

Небо уже окрасилось в розовый цвет, а гонка все продолжалась. Наступило утро, а «Мерседес» мчался на сумасшедшей скорости, напрочь игнорируя ограничительные знаки – через населенные пункты проносился как метеор, даже перед стационарными постами ГИБДД не снижал скорости. А гаишники, как назло, пока не выползли из своих нор, для них время еще раннее.

«Мерседес» свернул с шоссе, не доезжая до объездной дороги, и помчался по проселку через поля к виднеющемуся вдали лесу. Уж не заманивают ли меня в ловушку? Не смог Нефедов уйти от погони, поэтому решил на силовую акцию. Возможно, в машине с ним находятся его телохранители с оружием. Заманят меня в лес, а там расстреляют из всех стволов и закопают как собаку.

Дорога жуткая, колдобистая, моя ходовая громко жаловалась на невыносимые условия эксплуатации, а «мерин» даже не думал останавливаться. И на попутные деревеньки ноль внимания. Люди в ужасе выпрыгивали из-под самых колес, кто-то даже запустил камень, но не в «Мерседес», а в мою машину, ведь я тоже был возмутителем спокойствия. Камень ударился в крышку багажника, и я чуть не взвыл от злости...

Дорога пошла в обход леса, снова на пути попался населенный пункт. Чуть позже – еще один... А потом как отрезало. Дорога продолжалась, а сел и деревень больше не было. Это указывало на скорый тупик, хотя дорога, как назло, стала шире и менее ухабистой.

И все же тупик приближался. Во всяком случае, личный тупик для отдельно взятого капитана полиции. Топливная стрелка уже лежала на «нуле», еще чуть-чуть, и я могу нервно петь песню о впустую затраченных усилиях. Какую именно, даже думать не придется. Эта песня сама вырвется из груди и вряд ли обойдется без мата...

Вдалеке показались очертания деревенских изб, слева от дороги пошла полоса темно-хвойного леса. И в этот момент машина потеряла ход.

– А-а, козлиная!

Это был вопль радости, а не отчаяния. Не мой «Форд» заглох, а «Мерседес».

Машина встала, открылась дверь, и я увидел мужчину в черном костюме, внешне похожего на господина Нефедова. Он растерянно глянул в мою сторону и рванул к лесу.

Я остановил машину, выскочил из нее и бросился в погоню.

– Стоять! Полиция! Стрелять буду!

Пистолет не подвел, и выстрел громко хлопнул в пустоту.

Нефедов не остановился, и я помчался за ним.

Только он и я – вот и все участники марафона по лесистой местности. А это был настоящий лес – с плотным нижним ярусом из кустарника, с поваленным сухостоем. Я бы не сказал, что Нефедов с легкостью брал препятствия, но пер он мощно, как бульдозер. Вернее, как лось, которому нипочем буераки, реки, раки...

Я занимался спортом, в армии на «отлично» преодолевал десятикилометровую дистанцию, но сейчас это не очень мне помогало. Оказывается, физически Нефедов подготовлен был не хуже моего.

Лес закончился, началась мягкая прошлогодняя пашня, в которой ноги увязали чуть ли не по щиколотку. Беглец замедлил шаг, но и я значительно потерял в скорости.

– Нефедов! Стой! – выкрикнул я и снова нажал на спусковой крючок. Но мой крик и выстрел ушли в пустоту. Нефедов продолжал движение...

Поле закончилось, снова начался лес. И там я его потерял. Слышал хруст веток впереди, но его самого не видел.

Я бежал на звук, пот застилал глаза, дышалка отказывала, ноги подкашивались. Вдруг послышался шум воды, и в этот момент нога моя ушла куда-то в пустоту. Я подумал, что она

подкосилась под тяжестью беспомощного тела, но, увы, ошибся. Я рухнул вниз с обрыва, который заметил слишком поздно.

Обрыв был невысоким, но внизу я напоролся ногой на камень, и острая боль прострелила меня от пятки до макушки.

Сознание от болевого шока я не потерял, но мне понадобилось время, чтобы прийти в себя.

Оглядевшись, я понял, что пришел к финишу последним. И не видно Нефедова, и не слышно, и в каком направлении он исчез, непонятно.

Боль утихла, но стоило мне только сделать шаг, как она дала знать о себе новым выстрелом. Более того, нога отказывалась держать вес тела, и я опустился на землю. Или вывих у меня, или даже перелом, а идти надо, иначе пропаду я здесь. Место безлюдное, рядом шумит река, комары уже начинают слетаться на мою кровь.

А ведь еще совсем недавно я собирался на реку, думая о сексе и комарах. Вот и приехал. Здравствуйте, девочки!..

Глава 4

Я осмотрелся в поисках какой-нибудь палки, которую можно было использовать как костыль, но ничего подходящего не нашел. Тогда попробовал передвигаться на одной ноге, но надолго меня не хватило. Да и отбитая нога разболелась.

– Ты так далеко не уйдешь, – услышал я чей-то мужской голос, инстинктивно потянулся к кобуре, но вместо пистолетной рукоятки нащупал пустоту.

Я оглянулся и увидел Нефедова. Высокий мужчина, статный, черты лица грубоватые, но четкие, симметричные. Тридцать восемь лет ему, на эти годы он и выглядел. Здоровый цвет лица, гладкий, без морщин, лоб, в черных волосах ни единого седого проблеска, но все-таки чувствовалось, что молодость ушла безвозвратно. Только вряд ли он сейчас думал об этом. Ему сейчас нужно думать о будущих годах, которые он проведет в тюрьме.

Нефедов стоял метрах в пяти от меня, в опущенной руке он держал пистолет – возможно, мой.

А ведь я точно помнил, что сунул ствол в кобуру... То ли промазал, то ли пистолет вывалился, когда прыгал на одной ноге. Так или иначе, я оказался беспомощным перед вооруженным противником. Если и мог сейчас угрожать Нефедову, то лишь буквой закона. А это не страшно, когда прокурор – медведь, а закон – тайга.

– Мой ствол? – спросил я, с кислым видом глянув на ствол в его руке.

– Твой... Ты кто такой?

– Капитан Уланов.

– Ты с моей женой разговаривал?

– Я.

– Кого там убили, Чайкова?

– А ты не знаешь?

– Смутно помню... Какой-то человек лежал, кто-то взял мою руку, сжал ею что-то...

Возможно, это был нож...

– Возможно?

– Давай глянем, что там у тебя.

Он осторожно приблизился ко мне, сел на корточки так, чтобы я не смог ударить его ногой.

– А ты соображаешь?

– Ну, в какой-то степени...

Он снял с меня ботинок, тщательно ощупал голеностоп. Я ожидал, что сейчас он дернет ступню, боль снова прострелит меня, но тут же отступит. Вывихнутый сустав встанет на место, и я смогу подняться на ноги.

Но Нефедов кости вправлять не стал.

– Похоже, у тебя перелом, капитан Уланов. В больницу тебе надо.

– Легко сказать.

– Позвони своим, пусть подъедут.

– Телефон сдох.

– Сдох? – недоверчиво переспросил он.

– Точно сдох... А ты чего боишься, Нефедов? Ты же никого не убивал? – усмехнулся я.

– Не убивал.

– А чего тогда убегал?

– А кто мне поверит? Меня же не просто так в эту проклятую квартиру заманили. Подстава это. – Он безотчетно провел рукой по затылку.

– Болит?

– Болит.
– Арматурным прутом саданули?
– Не знаю чем. Сзади ударили.
– Очнулся – гипс? – насмешливо спросил я.
– Очнулся – труп.
– Чайкова труп?
– Я не знаю, чей это был труп... Голова контуженая, перед глазами все плывет, ничего не соображаю... Может, там не только контузия была, может, хлороформа дали нюхнуть. Я практически был без сознания. Удивительно, что вообще что-то помню...

– Ну да, ну да.
– Не веришь? – с горечью усмехнулся Нефедов. – Я бы на твоём месте тоже не поверил.
– Тебя видели, когда ты из дома выходил. Сам выходил. Никто тебя не вел.
– Правильно, они меня в квартире оставили, а сами ушли. Так бы я и лежал, пока полиция не подъехала... А я поднялся, вышел из квартиры... До машины еле дошел. Сел, куда-то поехал, где-то остановился. Там и вырубился...

– Очень все это интересно.
– Не веришь. Может, я сам себе не верю. Может, я от себя убегал... Значит, сдох твой телефон, говоришь?

– Сдох.
– Дай, гляну.
Я отдал ему свой телефон, но Нефедов не стал на него смотреть, размахнулся и зашвырнул мобильник в реку.

– Ты что делаешь, козел? – возмутился я.
– Давай без оскорблений! А телефон тебе купят новый. Даже если меня посадят.
– Почему даже? Обязательно посадят... А еще лучше, сам сдайся. Хочешь, я тебе явку с повинной организую? Никто не будет знать, что ты от меня убегал...

– Я не против, – совершенно серьезно сказал он.
– Ну, тогда сдай оружие...
– Сдам. Но не сейчас. И с явкой придется подождать. Сначала я сам разберусь...
– С чем?
– С кем. С тем, кто меня подставил.
– И кто это?
– Скажу. Обязательно скажу. Как только узнаю, так и скажу... А пока надо отсюда выбираться. Обещай, что не будешь дергаться, а то вдруг попытаешься меня задержать?

Я пожал плечами. Идея, конечно, хорошая, но как я доставлю Нефедова в отдел, если ходить не могу?

– Обещаешь? – всматриваясь мне в глаза, повторил он.
Я ничего не ответил, но снял с пояса наручники и отдал ему.
– Отлично.
Он ушел, вернулся с какой-то рогатиной, которую, в принципе, можно было использовать как костыль. Вложил палку в мою правую руку, а под левую подставил свое плечо. А мужик он крепкий, сильный как бык. С его помощью я смог одолеть подъем, который совсем недавно казался непосильным.

– Сильный ты мужик, Вадим Борисович. И бегаешь как лось. И гоняешь как Шумахер. А говоришь, что вчера еле до машины дошел.

– Так это вчера было. Говорю же, оклемался в машине.
– И домой поехал?
– Домой.
– К жене?

Нефедов вдруг резко отошел в сторону – я лишился опоры и упал, больно ударив о землю большую ногу.

– Эй, ты чего?

– Давай без намеков! – Он смотрел на меня зло, с осуждением.

– Да какие намеки!

– А с Мишей я разберусь.

– Что ты о нем знаешь?

– Ничего.

– Серафима не сказала?

– Нет.

– И мне тоже. Молчит, как партизан об лед... Сложные у вас отношения.

– Не твое дело!

Нефедов осмотрелся, подошел к старому облупленному дереву, отодрал от него кусок коры и приложил к моей больной ноге. Вытащил из своего кармана галстук... Я не знаю, насколько качественной была шина, которую он мне наложил, но лучше что-то, чем ничего. Затем подал мне руку и подставил плечо:

– Давай, поднимайся!

– Только без резких движений! – попросил я.

– И ты языком резко не дергай.

Мы прошли метров десять, втянулись в ритм движения. Еще метров десять, еще...

– А куда мы идем? – спросил я.

– Туда, откуда пришли.

– А ориентиры?

– Река за спиной... В любом случае куда-нибудь выйдем. Это же не тайга.

– Ну, не знаю...

Тайга не тайга, но с моей искалеченной ногой лес этот казался бескрайним и непроходимым. И никаких признаков цивилизации не наблюдается. Возможно, где-то в сотне метров от нас – слева или справа – проходила какая-то дорога или тянулась линия электропередачи, а возможно, жил беспокойной летней жизнью дачный поселок, но мы ничего этого не замечали.

– Я слышал, у вас когда-то с Чайковым была война, – закинул я удочку.

– Береги дыхание, капитан.

Мы прошли метров сто, и Нефедов объявил привал. Он тяжело дышал и едва держался на ногах, но я не видел в нем предательского желания отказаться от меня.

– Далеко мы забрались, – заметил я.

– Ничего, выберемся, – усаживаясь на поваленное дерево, сказал он. – Так какая война у нас была с Чайковым?

– Ну, он же бандитом был, «крыши» в Горанске ставил...

– Было такое. Но мы с ним не враждовали... Ну, тогда, когда он «крыши» ставил...

Нефедов достал из кармана свой мобильный телефон, глянул на дисплей и разочарованно цокнул языком. Нет зоны приема. Вроде бы и от Москвы недалеко, а глушь глушью...

– А потом Чайков за убийство сел, я правильно понимаю?

– И такое было.

– И кого он убил?

– Да так, по пьяному делу. Крышу снесло. Он, в принципе, нормальным парнем был. В бандиты случайно попал...

– Случайно?

– Долгая история.

– А если в двух словах?

– В двух словах не получится. Тут нужно все по полочкам разложить, иначе ты ничего, капитан, не поймешь...

– Так у нас времени вагон и... Я бы даже сказал, целый лес у нас времени. Если на кубометры перевести, на всю жизнь хватит, – с кислой усмешкой сказал я.

– Жизнь в кубометрах не измерить. Хотя тот же кирпич в кубометрах меряется. И кирпич, и блоки... Давай, капитан, поднимайся, идти надо.

Мы прошли метров сто и обессиленно рухнули под пышный куст можжевельника, который встал у нас на пути. Его нужно было обходить, но мы уже были не в состоянии держаться на ногах. Их у нас было немного – три ноги на двоих...

– Тяжелый ты, капитан, – пытаюсь восстановить дыхание, проговорил Нефедов.

– Какой есть...

Будь на его месте кто-нибудь из своих, я бы предложил более простой план моего спасения. Тот же Юра Станков мог оставить меня здесь, а сам налегке выйти к людям. Но Нефедов не вернется, если предложить ему такой план. Найдет людей, направит ко мне помощь, а сам тю-тю...

Он снова достал мобильник, но зона приема ему так и не улыбнулась.

– Ничего, выберемся. – Казалось, он уговаривает самого себя.

Я косо глянул на него – вдруг он не сможет себя уговорить и уйдет?

Он заметил мой взгляд, угрюмо усмехнулся:

– Я сам офицер, капитан. А это значит, что я тебя не брошу.

– И каких войск, офицер?

– А это имеет значение? Пять лет в училище, год службы, а потом увольнение... Давно это было.

Нефедов лег на траву, вытянулся в полный рост, закрыл глаза и, как мне показалось, ушел в себя. Похоже, на него нахлынули воспоминания...

...Справа ветер в кустах шелестит, слева музыка играет, перед глазами раздувается подол сарафана. Кучерявый парень из кожи вон лез, чтобы как можно сильнее раскатать лодочку, и добился своего – девушка визжала от страха и восторга. Воздушный поток раздувал ее белый, в черный горошек, сарафан, обнажая длинные ноги до самых вершин, она крепко хваталась за поручни, поэтому не могла придержать подол. Зрелище захватывающее, но я человек с понятиями, поэтому демонстративно смотрел на куст сирени – еще не цветущей, но готовой к этому. Пчелы над завязями цветков кружат. Майский парк уже зазеленел молодыми листьями, а скоро будет утопать еще и в цветах.

С погодой все понятно. Май выдался хороший, солнечный, в июне будет еще жарче, а может, напротив, похолодает. Но лето наступит в любом случае, затем будет осень, зима. Как должно быть, так и будет. А в моей жизни определенности нет. Праздники закончатся, и нужно будет решать вопрос, где и как работать. Вариантов пока два: или на кирпичный завод наниматься, или поступать на службу в полицию.

Служба – это надежность, выраженная в гарантиях от государства, перспективы карьерного роста, бесплатное жилье, ранняя пенсия. Все это хорошо, только государственная гарантия оказалась ненадежной. Уволили меня по сокращению штатов. Часть расформировали – всем спасибо, все свободны. А ведь я в очереди на жилье стоял, мне через пару лет квартиру могли дать, а через три года «капитана» присвоить. А так я даже до «старшего лейтенанта» не дотянул, всего два месяца до этого звания не дослужил. И квартира накрылась медным тазом, и без малого шесть лет выслуги ничего уже не значат. Нет больше доверия к государственной службе. Но и кирпичный завод не сахар. Вакансии там вроде бы есть, но зарплата, говорят, не очень. В условиях рынка и гиперинфляции выживает сильнейший, а наш поселковый завод дышит на

ладан. В городе с работой туго. Разве что в Москву податься, это не так уж и далеко – всего тридцать километров. Сел рано утром на электричку, и через час-полтора уже на месте...

Слева от меня, заглушая музыку, зацокали женские каблочки, и я повернул голову, ожидая увидеть нечто необыкновенное, захватывающее и, возможно даже, поражающее воображение.

И точно, ко мне подходила яркая блондинка с голубыми глазами, глубину которых подчеркивали фиолетовые тени. Черты лица резкие, но не грубые и смягченные спрятанной в них женской загадкой. Волнующая линия изящного носа, большой, но красивый рот, губы накрашены сочно, но в контрасте с матовым цветом лица. Стильная кофточка в полоску, белые джинсы в обтяжку, туфли на шпильке. Белый цвет полнит, но это не для нее. Ножки у этой красотки соответствовали самым высоким стандартам. Бюст и талия также вне всякой критики...

– Свободно? – спросила она, глянув на меня рассеянно, если не сказать, невидяще.

Это была дань вежливости, поскольку моего разрешения девушке не требовалось. Она собралась сесть на скамейку и без этого, но я ее опередил, резко поднялся и показал на свое место:

– Садись!

Блондинка непонимающе глянула на меня. По ее мнению, скамейка достаточно длинная, чтобы она могла сесть рядом.

– Пыль тут, – сказал я, смахнув ладонью зеленоватую пыльцу с растений. И показал на свое место: – А здесь уже протерто.

– Спасибо! – произнесла она с интонацией, в которой угадывался упрек самой себе.

Действительно, как можно было упустить столь важный момент для белых джинсов?

Девушка достала из сумочки дамскую сигарету, а я ловко извлек из кармана зажигалку, высек огонек.

– На этот раз мерси, – скупно улыбнулась она.

Голос у нее грубоватый, но звучный, с приятной глубиной.

– Ждешь кого-то? – спросил я.

Блондинка удивленно взглянула на меня, мол, кто я такой, чтобы задавать ей такие вопросы? Правда, я и джинсы ее спас, и прикурить дал, но это не в счет. Она повернулась ко мне боком, глянув на дорогу, по которой к ней, видимо, должен был подъехать принц на белом коне.

Но ее принц появился с другой стороны. Кто-то вдруг с силой толкнул меня в спину, и я, не удержав равновесия, навалился на девушку, нечаянно обняв ее двумя руками.

– Ты что творишь, козел? – прогудел возмущенный голос.

Мне пришлось восстанавливать равновесие, стараясь при этом не уронить блондинку. Я смог это сделать, но пропустил удар, который отшвырнул меня в сторону от нее. Меня ударили ногой в плечо, хотя, возможно, метили в голову.

Я коснулся рукой земли, но не упал. Более того, смог увернуться от очередного удара.

Это был какой-то дикарь в солдатской форме. Я успел заметить тельняшку в разрезе кителя, голубой берет. И еще на меня густо пахнуло перегаром.

Десантник снова пустил в ход ногу, я успел нагнуться, и сапог прошел у меня над головой. Я отскочил в сторону, обратную той, в которую обращен был удар, и двумя руками толкнул противника в бок. Неплохо было бы провести подсечку, но я не владел этой техникой на том рефлекторном уровне. Зато «хуки», «джебы», «кроссы» и прочие «апперкоты» наработаны у меня до автоматизма...

Я готовился к службе в спецназе, где не требовалось виртуозное владение техникой рукопашного боя. Достаточно было врезать противнику под дых, лишив его тем самым желания выжить. Противником в нашем случае выступал свой же солдат. Я учился в высшем военном инженерном строительном училище, после которого должен был попасть в часть, где слу-

жили мелкие, условно и реально судимые уголовники. Такой контингент понимал только язык силы. Во всяком случае, я всерьез так думал, когда записывался в секцию бокса. И все пять лет усиленно готовился к бою с внутренним врагом. Правда, на практике мне применять свои знания так и не пришлось. Часть, куда я попал, находилась в стадии расформирования, солдат уже не призывали...

Сказал бы кто раньше, что бокс мне пригодится для схватки с солдатом в своем родном райцентре... Но схватка эта уже в разгаре. И солдат пьян, как раздолбай-стройбатовец...

Десантник упал, поднялся и снова бросился на меня. На этот раз он дал волю своим рукам. Я ушел от удара, резко пошел на сближение, провел короткий мощный «джолт». Поймав плеху, парень слегка поплыл, и я удачно провел «тройку» в голову.

Он отскочил в сторону, тряхнул головой, пытаясь причесать мысли, и взревел:

– Ну, козел! – и снова бросился на меня.

Он ударил, я ответил. На этот раз он упал, пропустив мощный «кросс» на противоход. Правда, прежде чем отправить противника в нокаут, я пропустил несколько чувствительных ударов.

– Нормально! – Справа от меня кто-то захлопал в ладоши.

Я повернулся и увидел широкоплечего бровастого парня в черной рубаше из мокрого шелка. Чуть в сторонке стоял кривоносый атлет в майке-борцовке, которая подчеркивала мощь и рельефность его мышечной массы. Между этими парнями, чуть позади них, я заметил знаковую блондинку. Она смотрела из-под нахмуренных бровей и, казалось, осуждала меня за мое поведение. Но и на поверженного десантника она глянула с упреком. Но в этом взгляде я заметил и чувство вины.

– Хороший удар, пацан! – подмигнул мне широкоплечий.

Он обнял блондинку за плечи и повел ее к черной иномарке, которая стояла за качелями на дороге.

– Эй, ты куда, урод!

Десантник поднялся с земли, его сильно качнуло, но это не помешало ему броситься за девушкой. Но качок в борцовке не пропустил его, встретив прямым в голову. Задира попытался защититься, но куда там. Мощный удар сшиб его с ног, он упал и затих. Качок ухмыльнулся и надменно глянул на меня. Дескать, учись, как надо с одного удара.

После моего нокаута солдат оклемался быстро, а качок вырубил его надолго. Иномарка скрылась из виду, а он все продолжал лежать. Пришлось мне приводить его в чувство.

Он открыл глаза и первым делом попытался схватить меня за грудки, но я поймал его руки:

– Ты из какой психушки сбежал?

К нам подходили любопытные, с каждой минутой зевак становилось все больше, и это мне совсем не нравилось. Как бы менты не подтянулись...

– Я тебе пасть из-за Лизы порву! – прохрипел парень.

– Какая Лиза? Я с ней даже не знаком!

– А где она?

– Уехала... Не на того наехал! – усмехнувшись, ответил я.

Весна – время, когда солдаты возвращаются домой. И этот дембельнулся, приехал в родной город, а его Лиза уже с другим. Узнал он эту новость, раздавил с горя бутылек, а потом отправился выяснять отношения. Он же не просто солдат, а десантник, значит, герой.

Я повернулся к нему спиной и пошел к центру города. Все, нагулялся, пора домой. Шишка на скуле надувается, нос распухает, губа кровит. Под глазами вроде ничего нет, это хорошо. Послезавтра мне на завод надо идти, как я там с подбитым глазом покажусь?

Десантник догнал меня, хлопнул ладонью по плечу:

– Слышь, братан, ты это, извини!

– Да ладно.
– А Лизка, значит, уехала?
– Только от тебя и узнал, что ее Лиза зовут.
– Извини, не понял. Газанул я сдуру! – щелкнул он пальцами по горлу.
– Кирпичи о голову ломать не пробовал?
– Могу и об голову! Могу и так! Слышь, а ты чего спросил? – запоздало насторожился солдат. – Ты это, не быкуй!

Я промолчал. Может, он и умел бить кирпичи об голову, но мне схватку проиграл. Именно поэтому мне сейчас не нужно было ничего доказывать. И оправдываться не надо.

Инцидент исчерпан, копья сломаны, и пора уже расходиться, но десантник продолжал идти рядом со мной. Какое-то время он молчал, напряженно о чем-то думая.

– Слушай, а Лизка тебе ничего не говорила? Ну, куда она поехала?
– А где у нас здесь крутые тусуются?
– Крутые? Ну да, ребята реальные... – Парень поморщился, ощупывая отбитую челюсть. – Ты их не знаешь?

– Нет.
– Ну, мне сказали, что она с каким-то Лешим замутила...
– Не похожа она на кикимору, – с усмешкой заметил я.
– Кто кикимора?! – возмущенно протянул парень. – Лизка?! Ну, ты, в натуре! – Он резко схватил меня за руку, остановил, развернул лицом к себе. И даже сделал движение, чтобы ударить кулаком, но спохватился, сдулся и виновато посмотрел на меня: – Слышь, ты извини, братишка! Что-то клинит реально!

Обыкновенный он парень, с простецким, плохо запоминающимся лицом. Рослый, мощный, тяжеловесный. А форма у него как будто из костюмерной цирка шапито. Золотые негнущиеся погоны чуть ли не в палец толщиной, белый кант, где только можно, аксельбанты, значки в три ряда... Впрочем, у дембелей такая клоунада в порядке вещей.

– Это, меня Миха зовут!
– Вадим.
– Ну, будем знакомы! – Он протянул руку, пристально глядя мне в глаза.
Я без труда разгадал его мысли, поэтому подготовился к чрезмерно крепкому рукопожатию. Миха жал мне руку со всей силой, от напряжения у него побагровело лицо. Я отвечал ему тем же, но без видимой натуги. Лапа у него здоровая, но и у меня далеко не женский размер ладони.

– Силен! – отпустив мою руку, выдохнул он.
– Я пойду?
– А Лизу искать?
– Лизу?! – в недоумении протянул я.
– Ну, ты же с ней мутил... Что, очко играет?
– Я ее всего три минуты видел.
– Я в нее за три минуты влюбился!
– И мне она понравилась!
– Ну, так а я о чем!
– Найти ее надо?
– Найти!
– Для тебя?
– Ну да, зачем она тебе?.. – озадаченно поскреб затылок Миха.
– Всегда рад за людей, которые отличаются умом и сообразительностью. Удачи!

Я повернулся к парню спиной и продолжил путь. А он так и остался стоять. Похоже, до него дошло, что я ему ничего не должен.

День Победы пропах не только порохом, но и фронтовыми ста граммами. Эта мысль пронеслась мимо меня вслед за краснолицым увальнем, которого я встретил на своем пути от проходной к административному зданию. К фронту он, конечно, никакого отношения не имел, но сто граммов на грудь вчера принял. И не раз. Да и на проходной мне почудился запах перегара. Может, потому и не вышел ко мне вахтер, что хреново ему было.

Но это были отголоски, а в отделе кадров на меня пахнуло «свежачком». Маленький сухенький мужичок в крупных роговых очках закручивал пробку плоской фляжки, когда я зашел в кабинет.

– Почему без стука? – тонким голосом возмущенно спросил он, вкладывая фляжку во внутренний карман старенького пиджака.

– Так стучал, – пожал я плечами.

– Значит, тихо стучал.

– Да нельзя громко, – с усмешкой сказал я. – Нельзя громко, голова здесь у всех после вчерашнего болит.

– Это вы на что намекаете, молодой человек! – вскинулся мужичок.

– Мне работа нужна.

– Вон!

Он показал мне на дверь, и я повернулся к нему спиной.

Кирпичный завод находился неподалеку от Архиповки, от дома на велосипеде всего десять минут. Но уж лучше ездить в Москву на электричке, чем работать здесь.

Вокруг завода кучи мусора, на территории – кирпич в длинных, местами обваленных штабелях, возле которых курили нетрезвые грузчики в ожидании транспорта. Товар грузили навалом, и плевать, что часть кирпича побьется в дороге. А кирпич дешевый, плохого качества, потому его особо не жалеют даже сами строители. Привезут на самосвале, выгрузят в кучу, и вся недолга.

Но на стройке битый кирпич идет в дело – в бетон для фундамента замешивают, дороги засыпают, а здесь он громоздится в больших кучах, до которых никому нет дела.

Забор вокруг завода добротный, цеха и административное здание крепко стоят на фундаменте, стены без трещин, крыши без проломов. Но еще немного, и начнется разруха. Окна все в пыли, территория захламлена, в цехах тихо, машины за товаром не подъезжают. Простой в работе – потеря в деньгах, но, похоже, это никого не волнует. А грузчикам так и вообще весело, они ребята до работы не жадные, на бутылку хватает, и ладно...

А ведь раньше завод работал на полную нагрузку, и такого запустения, как сейчас, не наблюдалось. Территория подметалась, мусор вывозился, окна мылись. Да и не пил народ так много...

Нет, мне такой завод не нужен. Я лучше в Москву подамся, там строители нужны. Наверное... Может, и не строится в России ничего. Как развалился Союз, так и замерла жизнь. Призрак безнадеги бродит по России. И не просто бродит, а стучится в дверь, лезет в окно...

Я открыл дверь и невольно сдал назад и в сторону. На меня надвигалась бесформенная человеческая масса.

Сначала в кабинет зашло большое, трясущееся пузо, а затем все остальное – выпученные, как у краба, глаза, толстые, давно не бритые щеки, жирный двойной подбородок.

Эта масса остановилась, преграждая мне путь. Крабы глаза в упор смотрели на меня.

– Кто такой? – булькающим голосом спросил толстяк.

– Да вот, на работу пришел наниматься, Платон Андреевич! – пискнул начальник отдела кадров.

– И куда ты его, Митрич, определил?

– Так это, шибко умный!

– Водку пьешь? – Платон Андреевич беззастенчиво сунул палец в рот, выковырял оттуда что-то, положил на язык и сплюнул в сторону.

– Ну, по праздникам, – пожал я плечами.

– А почему не пьяный?

– Так прошли же праздники...

– Ну, для кого-то прошли, а для кого-то продолжаются... – Платон Андреевич недовольно глянул на Митрича. – Специальность есть?

– Инженер. Строительство зданий и сооружений.

– Инженер? – удивленно повел бровью толстяк. – И образование есть?

– Высшее военное училище.

– Высшее. Еще и военное... – Платон Андреевич цокнул языком. – И водку не жрешь...

Митрич, я не понял, ты что, отказал инженеру?

– Ну, он не говорил, что инженер... Да и зачем нам инженер-строитель?

– А на хрена нам начальник отдела кадров, у которого мозги под стакан заточены?

Толстяк взял меня за плечо, подвел к столу, сам отошел назад и окинул взглядом с головы до ног. Так осматривают коней, прежде чем заглянуть им в зубы. Сначала поверхностный осмотр, затем углубленный.

К счастью, Платон Андреевич не стал заглядывать мне в зубы.

– Пошли! – увлек он меня за собой.

Я оказался в приемной, где за секретарским столом сидела дородная женщина с высокой прической. На меня она взглянула как на муху, которая собралась пролететь на запретную территорию. Но со мной был Платон Андреевич, поэтому она даже не дернулась, чтобы меня остановить.

Толстяк провел меня в директорский кабинет, на котором висела табличка «Козьмин П.А.». Судя по инициалам, а также по хозяйским замашкам, это был его кабинет.

На заводе бардак, но в кабинете порядок. Свежо, просторно, чисто и все на местах. Мебель старая, из совковых времен.

– Значит, инженер, говоришь?

– Инженер.

– По специальности работал?

– Работал. Качество строительных работ контролировал.

– И как? Хорошо получалось?

– Никто не жаловался.

– А уволился почему?

– По сокращению штатов. Часть расформировали. Все, стройбата больше нет.

– Тут не только стройбат, тут, по ходу, все похерили...

Козьмин опустил в кресло, достал из ящика стола пачку «Мальборо», вынул из нее сигарету, покрутил ее в руках, вернул на место и вздохнул:

– Врачи не разрешают. Сердце, печень. Сам понимаешь, производство вредное.

– Пыли много, – кивнул я на окно.

Чисто в кабинете, а стекла немытые.

– Много пыли... Пыль в глаза приходилось пускать. Начальству. А как ее, заразу, пускать без водки? Банька, водка... Сейчас я сам себе начальник, а толку? Печень уже не та. И сердце барахлит... Значит, нет, говоришь, стройбата? А работал долго?

– Год. Пять лет в училище, год службы.

– Значит, молодой еще... Лет сколько?

– Двадцать три.

– Молодой. Зеленый. Не женатый... Или есть жена?

– Нет.

– Это правильно. Рано еще. А то как влезешь в это ярмо... А почему к нам на завод пошел? У нас тут не строительство, у нас тут производство.

– Но так строительное производство. Я из Архиповки сам.

– Местный, значит... Извини, я из Горанска, Архиповку не знаю... Только алкашей архиповских знаю, – ухмыльнулся Козьмин. – Их у меня тут каждый второй. И не выгонишь!

– Почему? – вырвалось у меня.

– Как почему? – Платон Андреевич удивленно повел бровью. – А их семьи кто кормить будет?

– Пусть не пьют, если о семьях заботятся.

– А они заботятся?... Я забочусь, а они – нет. Такая вот петрушка... Да и специалисты они...

– Грузчики?

– Ну, грузчики тоже специалисты...

– Видел я этих специалистов... – хмыкнул я. – И как они кирпич в штабеля уложили, видел... Тут автопогрузчик нужен, а не грузчики...

– Есть автопогрузчик, только сломан. А новый денег стоит.

Я молча пожал плечами. И так чересчур много сказал, причем слова мои прозвучали в упрек директору. Нельзя так.

– Ну, чего замолчал? Ты бы вот что на моем месте сделал?

Я успокоился, но Платон Андреевич, напротив, завелся.

– Я на вашу колокольню не поднимался, с вашей колокольни ничего не видел, поэтому ничего сказать не могу.

– Вот! Сначала колокольню нужно поставить! – Козьмин возбужденно ткнул в потолок толстым, как сарделька, пальцем. – А потом уже смотреть! Я свою колокольню сколько уже строю! С самых низов. От фундамента, этаж за этажом. А у тебя только фундамент, и то еще сырой... Но парень, я смотрю, ты ничего. Инженер с высшим образованием. Строитель... Технологию производства кирпича знаешь?

– В общих чертах.

– В общих чертах... – передразнил меня директор. – А мне специалисты нужны!

– Высшее образование – это база, с которой быстро учатся.

– Можно и без высшего учиться...

– Так никто и не спорит.

– Интересный ты парень. – Козьмин смотрел на меня так, как будто видел насквозь. – Бродит в тебе бунтарский дух, а не споришь. Ну да, ты же человек военный... Ты мне вот скажи, как человек военный, что ты обо всем этом думаешь? – Он протянул руку к окну и очертил растопыренными пальцами горизонтальный круг.

Чтобы дать основательный ответ на этот вопрос, нужно было собраться с мыслями, но я не успел сосредоточиться. В приемной послышались чьи-то резкие голоса, шумно распахнулась дверь, и в кабинет вошли внушительного вида парни в кожаных куртках.

Я узнал их обоих. Это с ними позавчера уехала Лиза. И они узнали меня. Бровастый иронично повел бровью, а кривоносый атлет даже виду не подал.

Козьмин протяжно вздохнул, глядя на это явление. И руку прилепил к груди так, как будто у него случился сердечный приступ. А другой рукой лихорадочно шарил по столу, пока не нащупал стеклянный цилиндр с таблетками.

– Вот только за сердце хвататься не надо! – криво ухмыльнулся бровастый.

– Алексей! Ты даже не представляешь, какие у нас проблемы!

Козьмин достал таблетку, бросил ее под язык и закрыл глаза, словно хотел как страус спрятать голову в песок. Но от суровой действительности не спрячешься.

– У всех проблемы, Платон Андреевич! И все их решают!

Бровастый Алексей сел за приставной стол напротив меня, а кривоносы́й остался стоять, покачиваясь на носках широко разведенных ног.

– Работаешь здесь? – Леша буравил меня жестким насмешливым взглядом.

Я должен был уйти, но мне почему-то не хотелось оставлять Козьмина в одиночестве. Проблема на мужика наехала, деньги с него сейчас будут требовать. А мужик он вроде ничего. Внешне грубый, а изнутри – душевный, о семьях своих рабочих переживает. Хозяйственник, правда, плохой...

– Работаю, – кивнул я.

Мне нужно было как-то обосновать законность своего здесь присутствия, иначе меня просто выставят за дверь.

– Боксом давно занимаешься?

– Пять лет.

– Хорошо ты этому клоуну вломил... Ну, да ладно... Платон Андреевич, ты нам тут глазки не закатывай! – Леша глянул на Козьмина с хищной усмешкой. – Деньги давай.

– Нет денег! Товар не идет! Так, берут по чуть-чуть! Кошкины слезы! На зарплату не хватает! Летом лучше будет, летом люди строятся...

– Летом строятся, а закупаются сейчас, так что беса гнать не надо.

– Должны закупаться! – Козьмин чуть ли не умоляюще смотрел на рэкетира. – А не закупаются! Денег у людей нет! Ничего нигде не строится!

– Пургу гнать не надо! В Горанске пятиэтажка строится, сам видел. Там такой же кирпич, как у тебя тут...

– Так не покупают! У савелковских берут! – Платон Андреевич взывающе смотрел на Лешу.

– Слушай, мужик, ну мы же с тобой по-хорошему, а ты нас за лохов держишь! Нельзя так!

– А если реально денег нет? – вмешался я.

Леша резко глянул на меня. Этот взгляд мог перевернуть душу, столько в нем было силы, но я постарался удержать себя в руках. И глаза в сторону не отвел.

– Кирпич есть, а денег нет, – выдавил я. – Кирпич возьми.

– И что я с этим кирпичом делать буду? – зло спросил рэкетир.

– Продашь. Ты же крутой, тебе нетрудно будет впарить. Купи кирпич! Анекдот такой есть.

– Ты предлагаешь мне купить кирпич?

– Не купить, а взять в счет долга. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

– С паршивой овцы?! – ухмыльнулся бандит. – Ну, овцы здесь реально паршивые.

– Караси.

– Да нет, карась – рыба жирная. С карасей жирный слам идет...

– Мы караси, а ты шука. Чтобы карась не дремал.

– Кто здесь дремлет? Да вы спите здесь! Мертвым сном спите!

– Обещаем исправиться. И производство будет, и деньги. А пока возьми кирпичом...

– Знаешь, куда себе этот кирпич засунь? – рассмеялся вдруг Леша и глянул на кривоносого в поисках поддержки. – Кирпичами класть будешь, гы-гы!

Качок тоже засмеялся, глядя на меня как на какого-то клоуна.

– Ну, мы сами кирпич толкнем. А деньги ты получишь, – предложил я.

– Так в чем же дело?

– Помог бы. Ну, я про дом пятиэтажный. Может, они у нас кирпич возьмут? Твое слово много значит. Тебе только сказать, и все.

Я понятия не имел о криминальных раскладах в Горанске и о Леше ничего не знал. Возможно, он всего лишь мелкая «шестерка» на побегушках у крутого авторитета. Но если так, Леша постарается доказать обратное, из самолюбия.

– Ну, я скажу... – поднимаясь со своего места, сказал бандит. – И позвоню. Двадцать процентов со сделки – мне!

Директором завода был Козьмин, он здесь все решал, но Леша почему-то смотрел на меня.

– Так никто не против, – метнув быстрый взгляд на Платона Андреевича, ответил я.

Тот кивнул, протирая платком взмокший лоб.

– Делайте что хотите, а слам должен быть! Апрельские бабки в июне отдашь! И майские тоже! – Леша навел на Козьмина палец, как будто это был пистолет, пыхнул, изображая выстрел, сдул невидимый дымок и вышел из кабинета.

– Уфф! – перекрестился на радостях Козьмин.

– Весело у вас здесь, – заметил я.

– Везде так весело. И никуда от этого веселья не денешься. Везде достанут! Ты их знаешь?

– Да так, с одним парнем из-за его девчонки подрался. Нелепо все вышло.

– Он с тобой нормально так... Как со старым знакомым... Меня бы он и слушать не стал.

Паразит! Паразиты! Другого слова и не придумаешь!

– Мои сочувствия, Платон Андреевич! – сказал я, поднимаясь со своего места.

– Ты куда? – забеспокоился он.

– Так это, пойду я. Отсрочку вам дали, как-нибудь выпутаетесь...

Что-то не очень хотелось мне работать на убыточном предприятии, которое попало под бандитский пресс.

– Да нет, выпутываться нам вместе придется. Ты эту сделку с кирпичом затеял, если что-то не так пойдет, с тебя спросят.

– Я здесь при чем? Ваш кирпич, вам и решать.

– Это не важно, чей кирпич. Важно, кто договаривался... Запом ко мне пойдешь?

– Запом?

– Ну не грузчиком же тебе числиться? Грузчик – это тьфу! А замдиректора – звучит! Так с братвой легче говорить будет...

– Это братве легче будет с меня спрашивать, – усмехнулся я.

– Надо сделать так, чтобы не спрашивала...

– Как?

– Да так! Производство поднимать надо! Со сбытом что-то решать! Ты же видишь, никому здесь ничего не нужно! Главный инженер из запоя не вылезает, начальник отдела кадров такой же, экономист не пьет, но тупой как пробка. Бухгалтер вроде ничего, так у нас и считать нечего. А у меня здоровья нет, только что из больницы. Чую, снова придется ложиться... – Козьмин выразительно приложил руку к груди. – Ты думаешь, почему я такой добрый? Взащей никого не гоню! Думаешь, всегда был такой добрый? Нет! Недолго мне осталось, а там, на Небе, спросят, как жил, как себя вел... Я уже старый, вялый, а здесь молодая кровь нужна, свежая, кипучая. Чтобы энергия ключом била! Сейчас молодая кровь все решает! Эти вот ходят! Деньги требуют! – Он кивком головы показал на дверь, намекая на Лешу и его спутника. – И попробуй им отказать... Дочь у меня, ей всего пятнадцать лет. В школу ходит. А может и не дойти. Ты меня понимаешь?

Я кивнул. У меня не было детей, но я и без этого понимал отцовские страхи. Может, Леша и не совсем отмороженный, но никто не знает, что у него на уме. Похитит дочь Козьмина, изнасилует, а концы в воду. Такой может...

И еще я понимал, что Козьмин плохой директор. Не получается у него поднять завод, вывести его на уровень. Но так ведь я ничего в этом деле не соображаю. Но кровь у меня действительно молодая и кипучая. И с производством я разобраться смогу, технологию освоить, сбыт организовать. Я же не тупой, как-никак училище с красным дипломом окончил. И все-таки надо сто раз подумать, прежде чем взяться за гуж.

Произвести кирпич несложно. Берешь глину, измельчаешь ее на вальцах, в специальном смесителе с помощью пара увлажняешь сырье до нужной кондиции, пропускаешь полученную пластичную массу через ленточный пресс и получаешь уплотненный непрерывный брус. Шламовая полоса поступает в автомат для резки, где и распадается на кирпич-сырец, дальше – сушка и обжиг в тысячеградусной печи. Полученный кирпич отправляется на склад...

В теории все просто, а на практике каждый шаг требует сил, времени, а главное, знаний и оборудования. Глина нужна рыхлая и средней плотности, содержание песка до тридцати процентов, влажность – не более двадцати пяти. Даже экскаватор нужен особый – многоковшовый или роторный, чтобы глина измельчалась и перемешивалась при добыче. Лучшая глина та, которая не требует добавок. С этим у нас пока что все в порядке – и карьер есть, и старый экскаватор худо-бедно работает, машина для доставки на ходу, даже водитель относительно малопьющий. Смесители, автоматы для нарезки, сушилки, печи – все это есть, все работает. Оборудование хоть и старое, но вполне функциональное, только вот ломается часто. И я уже знаю, почему так происходит. Технике нужна любовь, ласка и регулярное обслуживание, а с этим на заводе напряг. Специалисты есть, а результата нет. Техническое обслуживание проводится только на бумаге, отсюда и проблемы. И с этим надо что-то делать. Одного нагоняя мало, нужны еще материалы для работы, а денег под это дело нет.

И на зарплату денег катастрофически не хватало, но в этом случае выручал бартер.

Как это ни странно, но продукция архиповского кирпичного завода никак не рекламировалась. В советское время с его плановой экономикой проблем со сбытом не было, рекламой никто не занимался. И сейчас должность инженера по снабжению на заводе имелась, по сбыту – нет. Такой вот парадокс в условиях рыночной экономики. А такая экономика действовать начала уже давно, еще до развала Союза. Осенью три года будет, как нет огромной страны, а завод все по старинке работает. Если бы не «сарафанная» реклама и кое-какие старые связи, производство давно бы уже загнулось. Живыми деньгами за продукцию расплачивались нечасто, торговля в основном шла по бартерной схеме. Кирпич обменивали на крупу, муку, макароны, сгущенку, даже на водку, на все, что имело практическую ценность. И промтовары поступали – лампочки, кастрюли, утюги, чугунные отопительные батареи... Всем этим с рабочими и расплачивались.

А за свет, газ, воду просили живые деньги, поэтому коммунальные услуги давно уже не оплачивались. Ситуация такая, что конец света мог наступить в любую минуту. Но пока Бог милует...

Печь обжига относительно короткая; если ее удлинить, можно значительно повысить производительность линии. Но сейчас не до модернизации, склады и без того забиты и под открытым небом полно продукции.

Я организовал работу с прессой, в газетах все чаще мелькает реклама нашего завода, ответная реакция уже просматривается, но успех пока еще только призрачный. Да и предлагают нам за кирпич всякую хрень – полотенца, валенки, овощерезки. На черта нам, спрашивается, овощерезки?

Одной рекламой проблему со сбытом не решить, нужна конкретная клиентская база, создать и расширить которую можно было за счет качества продукции. А с качеством дело швах. Сырье вроде неплохое, оборудование относительно современное, но технология не выдерживалась, отсюда и брак.

Я весь в работе. Кручусь на заводе днями и ночами, разбираюсь с технологией производства, изучаю оборудование... С учебой у меня неплохо, есть уже определенное представление о работе. Но самой работы пока нет. Производственная цепочка время от времени обрывается, восстанавливают ее по старинке – ни шатко ни валко, но я пока в это дело не вмешиваюсь. Даже при всех производственных сбоях товар застопорился на складах. И самое обидное, что

раньше такого не было. Во всяком случае, все стараются меня в этом уверить. Особенно главный инженер старается, а начальник отдела кадров и зам по технике безопасности ему подпевают. Как же, когда Старцев рулил процессом, у него все было на мази, а тут вдруг появился какой-то выскочка...

Но Старцев рулил через два дня на третий. Выйдет из запоя, намозолит мне глаза и снова в отрыв. А Митрич с Агаповым на работу ходят каждый день и действуют мне на нервы тихим своим нытьем и мелкими придирками. Я человек новый, конфликтовать ни с кем желания пока не имею, но вопросы у меня уже накопились. Например, на кой черт заводу на шестьдесят рабочих мест нужны инженер по технике безопасности и начальник отдела кадров? И если у меня получится сдвинуть процесс с точки сбрасывания, то я обязательно поставлю этот вопрос на вид. И Митрича можно будет на пенсию отправить, и Агапова. И еще человек десять запросто можно сократить. Бездельников убрать, а число рабочих увеличить, чтобы организовать производство в две, а то и в три смены...

Планов у меня громадье, да только реализация хромает. Знаний не хватает, опыта, не удается эффективно систематизировать рабочий день – времени вечно не хватает.

Рабочий день только начался, но не успею моргнуть глазом, как он закончится. И помочь мне некому. Козьмин снова в больнице – на этот раз с гипертоническим кризом, Старцев, как обычно, в запое. Главный инженер хоть и не подарок по своему характеру, но дело знает, а остальные владеют ситуацией, говоря квадратно-протокольным языком, в части, их касающейся. Но с мозаикой я и сам уже разобрался, мне общая картина нужна – светло-голубое небо на горизонте, паровоз с улыбкой на всю ширину котла, вагоны, груженные кирпичом. Но, увы, наш паровоз пока что на запасных путях, не получается движения вперед к светлому капиталистическому будущему. В собственном дерьме пока барахтаемся, как бы не захлебнуться...

Я сидел в своем крохотном кабинете, обхватив голову руками. Ощущение такое, как будто завод – это колесо, внутри которого кручусь я. Дрыгаю лапками, машу хвостом, колесо крутится, но все вхолостую...

Дверь открылась, и в кабинет без приглашения ввалился Леша. Он был один, без своего кривоногого спутника.

– Денег нет! Есть батареи парового отопления, – исподлобья посмотрел я на него.

– А на хрена мне батареи? – ухмыльнулся Леша.

– Никому не нужны, потому и валяются на складе. Может, с кирпичами заберут, – вздохнул я.

Была у меня такая идея. Нам бы такого клиента, который строил бы большой многоэтажный дом с системой парового отопления, такой бы кирпичи вместе с батареями забрал. Но не было такого клиента. Со строительными управлениями и компаниями работали куда более серьезные подрядчики, чем мы.

– С кирпичами?.. Ну, можно поговорить. – Леша сел за стул, достал сигарету, закурил и с загадочной улыбкой спросил: – Сколько у тебя кирпича?

– До фига! Это даже больше, чем до ядреной Матрены...

– Мне как раз столько и нужно. Завтра подъедут машины, заберут все.

– Куда?

– Москва не сразу строилась. И до сих пор строится. Короче, есть варианты, я договорился. Комиссия – тридцать процентов.

– Ты же говорил, двадцать.

– Двадцать за мелочовку, а тут подряд на все лето. Все, что есть, заберут, и все, что будет.

– А как с оплатой? – Я знал, с кем имею дело, поэтому не спешил радоваться.

– Оплата по факту. Получили товар – оплатили. Я сразу половину забираю, чтобы вам не поднимать...

– Половину? – как-то не очень удивленно спросил я.

Бандиты так и действуют – сначала палец прикусят, а потом и всю руку отхватят. Еще и голову отгрызут...

До Леша я с рэкетирами дел не имел, только слышал о них. Но теперь имел возможность на своей шкуре познать радость общения с ними.

– Ты что, считать не умеешь? Тридцать процентов – комиссионные, двадцать процентов – за «крышу».

– Двадцать за «крышу», – механически повторил я.

– А как же без «крыши»?

– Да у нас тут и с крышей со всех сторон задувает.

– Ну, мы теперь вместе работаем, нам друг другу помогать надо. Я так понимаю, у вас тут голая задница, раз такое дело, то за «крышу» с вас всего десять процентов. Как тебе такой вариант?

– Нормально... А за тридцать процентов комиссионных не я решаю, тут с Козьминым говорить надо.

Я нутром чувствовал, что нельзя доверять Леше. Ну а вдруг он действительно продаст товар и мы получим живые деньги?.. Тут уж или пан, или пропал. Но волынку я все-таки включил.

– Где он сейчас? В больнице? Пока то, пока се, а время не терпит... – поморщился Леша. – Хорошо, пусть будет двадцать процентов комиссионных и двадцать процентов за «крышу». Итого, тот же сороковник! Идет?

– Ну, тогда лучше тридцать и десять, – совсем не весело проговорил я.

Коммерческий энтузиазм Леша мог иссякнуть, тогда и комиссионные платить ему не нужно будет, а за «крышу» так и останется десять процентов. Но все равно, ощущение было таким, будто я менял шило на мыло. Сейчас десять процентов, а завтра двадцать. Хозяин – барин, сколько скажет, столько и будет.

– По рукам! Ну, так что, машины подгоняем?

– А деньги как, налом или безналом?

Безналичный расчет – это засада. С живыми деньгами в стране дефицит, поэтому в банках берут серьезный процент за срочную обналичку. А если в очередь встать, то через месяц-другой получишь – с минимальным процентом, но это будут уже объедки со стола гиперинфляции...

– Гонишь? Я же серьезный человек! – возмущенно протянул браток. – Я беру чистыми делами. Потому и тридцать процентов... Догонять надо!

– Было бы здорово.

Радости особой я не испытывал. Во-первых, приход не превысит расход, значит, прибыли не будет. Не будет прибыли, а налог все равно плати – как государству, так и бандитам. Но с этим пусть Тамара Максимовна разбирается, она с бухгалтерией химичит. Без двойной бухгалтерии сейчас никак... А во-вторых, я мог попасть и на эти деньги. Очень даже мог...

Рисковал я, очень рисковал, но мне нужно было сорвать хоть какой-то банк.

– Путем все будет! – подмигнул мне Леша. – Я смотрю, ты тут самый главный зам!

– Заместитель директора разбитого корыта, – хмыкнул я.

– Не нагоняй тоску, братуха! Склеим твое корыто! Мы тут с тобой такие дела делать будем!

– Какие дела?

– Ну а ты можешь продать амбалу кирпич? Нет! А я могу! Если нормально пойдет, вообще за «крышу» платить не надо будет...

– Ноль процентов за «крышу» и сорок за комиссию? – сыронизировал я.

– Слушай, ты чего такой смурной? – Вид у Леша был такой, будто он хотел мне помочь, вытащить из депрессии. – Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь?

– Ну, бывает...

– Не жалеешь ты себя. От работы кони дохнут... Короче, склады твои разгрузим, я тебя к себе в сауну заберу. Парилочка, пивко, ну, можно и девочку... В общем, тебе и склады разгрузить надо, и самого себя. За склады я сороковку возьму, а за баньку... Так уж и быть, за счет фирмы. Это у нас почти бесплатно. И девочки бесплатные. Одна Лизка чего стоит! – осклабился Леша. – Лучшая телка в городе! Это я тебе говорю!

– И твоя?

– И моя!

– И кличка у тебя Леший?

Об этом я мог догадаться и раньше, но не заморачивался на такие вопросы.

– Леший... Не ставьте Лешему капканы! Фильм такой есть. И в жизни так!

– Так никто и не ставит, – угрюмо кивнул я.

Капкан мог поставить сам Леший. Возможно, я уже сунул туда ногу...

– Миха попытался поставить, – усмехнулся браток. – А попал ты!

– Ну, не попал.

– Ну да, увернулся! Он в десанте служил, а ты где?

– В стройбате.

– Опля! И я в стройбате! Хулиганка у меня была, а ты по какой статье?

– По офицерской. Лейтенанта в прошлом году присвоили. А в этом лейтенантом уволили.

– Так ты у нас живодер, по ходу! – ухмыльнулся Леший.

– Не знаю, у нас так офицеров не называли...

– А у нас был один такой. Мы его после дембеля выцепили. Нехорошо вышло, честно тебе скажу, нельзя так было. Ну, да ладно, жив остался, хромать, правда, всю жизнь будет... А ты чего такой кислый?

Я и без того выглядел уныло, а сейчас и вовсе загрустил. Одна история с офицером чего стоила... Но это все мелочь по сравнению с той засадой, в которую, возможно, меня заманивал бандит.

– Не бойсь, все путем будет! – весело, но как-то не очень убедительно заверил меня Леший. – Я гарантию даю. А моя гарантия – это железно! Ну так что, по рукам?

Не должен был я соглашаться с ним, но мне нужно было разгрузить склады – хотя бы для того, чтобы доказать свою состоятельность. Непонятно почему, но Козьмин выбрал меня, и я должен был оправдать его доверие. Оправдаю – буду работать дальше, нет – уволюсь, к чертовой матери. Тут или пан, или пропал...

Чисто на территории завода – и кирпич вывезен, и даже обломки. И с мусором я разобрался – три дня его собирали до кучи, потом вывезли все. Даже вокруг завода порядок навели. А что еще делать, когда производство стоит? Технологическая линия в рабочем состоянии, но газ отключили полностью, а на электричество ввели жесткий лимит – только на освещение помещений и хватает. Чего я боялся, то и случилось.

Не работает завод, не пылит. И рабочим нечем заняться, поэтому и блестят окна в зданиях. И правый кулак у меня ноет. Позавчера впервые за все время пришлось применить силу. Рабочие сидячую забастовку решили провести. Забили на работу, собрались в курилке, нажрались, я к ним подошел – ноль реакции. А заводилой у них был Яша Баранов, двухметровый детина с вечно недовольным выражением лица. Я начал с ним по-хорошему, а получил в ответ щедрую порцию мата. Дескать, я никто и звать меня никак – и все это в трехэтажном оформлении. Сдержаться в такой ситуации мог только слабак, а я себя таковым не считал. И ударил от всей души. После глубокого нокаута Яша со мной теперь только на «вы» и по имени-отчеству. И никто больше не бастует, правда, и работать люди не хотят, но это из-за отсутствия стимула.

Товар вывезен, а отдачи никакой. Две недели прошло с тех пор, как Леший забрал первую партию товара, а денег до сих пор нет. Я с ним разговаривал, а в ответ – сплошные «завтраки»...

Чисто на территории, а на душе сплошные завалы. А тут еще и Козьмин из больницы выписался.

Он уже все знал и без моих объяснений: Митрич доложил. Да он и сам знал о сделке с Лешим, даже добро дал на это дело, правда, под полную мою ответственность.

– И что делать будем? – глядя куда-то мимо меня, спросил Платон Андреевич.

Он и раньше выглядел неважно, а сейчас и вовсе сдал. Бледный весь какой-то, рука ледяная. Дела на заводе – хуже некуда, но ему нельзя волноваться, вот он старался не выходить из себя, поэтому и смотрел мимо меня.

– С газом и электричеством не все так страшно, – сказал я. – Завтра свет будет, а послезавтра газ. По бартеру рассчитаемся, договоренность есть.

– Завтра свет?

– Завтра.

– И газ?

– Послезавтра.

– Ты договорился?

– Ну, пошли навстречу. Все понимают, какая ситуация в стране. Да и кирпич людям нужен. Если по бартеру... Запустим линию, дадим стране угля...

– А людям чем платить?

Я опустил голову. С зарплатой полный швах. И ничего съестного нет, чтобы хоть как-то с рабочими рассчитаться.

– Леший деньги вернул? – Козьмин старался держать себя в руках, но голос уже задрожал.

– Нет... Кинул меня Леший.

Лично я в этом уже не сомневался, но поверит ли мне Платон Андреевич? Я ведь мог быть в доле с бандитами, ничего удивительного, если он так думает.

– И что теперь делать?

– Я накосячил, мне и решать.

– Как?

– Пойду разбираться.

– С кем, с Лешим?

– С ним.

– Не боишься?

– Боюсь.

Страшно было выяснять отношения с бандитами, но я все-таки решился. Платон Андреевич уже во мне разочаровался, и я больше не «пан». Но еще и не пропал. Может, и вынесет нелегкая...

Жаркий выдался денек – мертвый покой в небе, звенящий зной на земле. Так было днем, но и к вечеру ничего не изменилось, хоть бы облачко на небе появилось.

А Лешему хоть бы хны. В баньке он с братвой закрылся, отдых у него – холодное пиво, женщины. Он должен был ждать меня в летнем кафе у кинотеатра, но там я увидел его знакомого качка, который когда-то вырубил Миху. Вася Кайло смерил меня надменно-спокойным взглядом, пренебрежительно усмехнулся и повел к машине. Через четверть часа я уже был в бане, которая находилась на территории торговой базы.

Зашел в раздевалку с одной стороны, а Лиза появилась с другой. Туника на ней из простыни, волосы мокрые, лицо без косметики.

– Привет! – поздоровалась она со мной как со старым знакомым.

– А Леша где? – спросил я.

– В парилке. Тебя ждет... Раздевайся.

Лиза подошла к шкафу, достала и подала мне простыню.

– Да мне бы с ним поговорить.

– Там и поговоришь, – кивнула она в сторону закрытой двери и спросила: – А ты директором на кирпичном?

– Ну, пока да...

– Леша тебе деньги не отдаст, – сочувствующим тоном сказала Лиза.

И не понятно, то ли за меня переживала, то ли за мою несостоятельность как директора целого завода. Директор завода – это круто, но я уже, считай, бывший начальник. А бывшие не в цене...

– Ты знаешь? – спросил я, чувствуя, как холодеет под коленками.

– Я много чего знаю... Ну, чего застыл? – усмехнулась она. – Леша ждет.

– Так он же не отдаст...

– А вдруг?

– Ну, хорошо. Не бойся, не сбегу, – сказал я, выразительно глянув на нее.

И пояс на джинсах расстегнул.

Лиза фыркнула, смерив меня кокетливо-пренебрежительным взглядом, и скрылась за дверью. Я разделся, обмотался простыней и зашел в трапезную, где за столом вразвалку сидела Лиза. Больше никого здесь не было. Стол накрыт, водка, пиво. Три тарелки, столько же кружек. Похоже, здесь соображали на троих. Лиза – одна персона, еще двое в парилке.

– Ну, чего встал? – усмехнулась она, взглядом показав на дверь, за которой находился сейчас Леший.

Если он там не один, то с ним кто-то из его братвы. Впрочем, и без того было ясно, что Лешу ничуть не смущало присутствие Лизы в толпе разгоряченных водкой и сауной парней. Я бы, например, ни за что не стал париться со своей девушкой в компании с другими мужиками. Если бы, конечно, я дорожил этой девушкой...

В моечной никого не было. Я прошел мимо небольшого бассейна с манящей прохладной водой, открыл дверь в парилку и увидел там девушку с длинными черными волосами, хлеставшую веником Лешего.

Он медленно открыл глаза, кисло посмотрел на меня:

– Чего пришел?

– Ну, насчет денег...

– Деньги – это зло. А женщины – добро... Я люблю делать людям добро, – поднимаясь с полока, сказал он. – А доброту помнить надо... Укладывайся! Лелька тебе щас вжарит!

Он освободил место для меня, но я как-то не очень хотел его занимать. Мне бы лучше в бассейн, там сейчас хорошо, а здесь Экваториальная Африка. Такая тяжелая духота, что даже женщина не возбуждала.

– Да жарко здесь.

– Так это парилка, здесь должно быть жарко, – удивленно посмотрел на меня Леший.

– Ну, вообще жарко...

– Я не понял, ты что, обидеть меня хочешь? – возмутился он.

Я бы и хотел его обидеть, но это чревато. Да и не так уж страшна Лелька, скорее наоборот. Осуждающе глянув на меня, Леший вышел из парилки.

– Ну, давай, ложись, – нехотя махнула веником Лелька.

– Ну, если ты настаиваешь.

– Да не настаиваю.

– Тогда и не надо.

– Ну да, ты Лешему скажешь, и...

– Что, и?

- С ним лучше не шутить, – вздохнула она.
- Да я не скажу... Скажу, что путем все было.
- Все равно ложись. Надо так.

Я скинул простыню, постелил ее на полоч, лег, и тут же на меня обрушился шквал хлестких ударов. Я не мазохист, но такое избиение мне понравилось, и даже останавливать девушку не захотелось.

Она остановилась сама, я слышал, как бросила веник в тазик.

- А глаза почему не открываешь? – спросила Лелька. – Я тебе чем-то не нравлюсь?

Я открыл глаза, окинул ее взглядом с ног до головы. И лицо у нее довольно-таки симпатичное, и тело – кровь с молоком. Все хорошо, только вот не возбуждала она. И дело не в ней, а в ситуации.

- Нравишься.
- Так, может, местами поменяемся?

Я поднялся, а она легла, с усмешкой глянув на мое унылое лицо.

- Что-то не так?

- Да проблемы у меня, – скривившись, ответил я.

Как бы объяснить ей, что не до баб мне сейчас?

- С чем?

- С кем... Денежный вопрос.

– Будут тебе деньги, – проговорила Лелька. – Все будет. Расслабься. И получай удовольствие.

Я взял веник, сбрызнул на раскаленные камни, шлепнул им Лельку по спине и сказал:

- Да ты не переживай, я тебя не трону, а Лешему ничего не скажу. Валила бы ты отсюда...

– Куда? Догонят и – на круг. На ментов надежды нет. У Лешего там все схвачено. Была тут одна, сунулась в ментовку, – язвительно усмехнулась Лелька. – Так ее саму там чуть не раскуканили... Ладно, чего уж там... Что делать будешь?

- Ничего. А Лешему скажу, что у нас было *все*.

- Ну, хорошо, – благодарно кивнула она.

Я вернулся в трапезную с видом усталого, но страшно довольного человека.

- Ну как? – спросил Леший.

- Нормально, – буркнул я, невольно глянув на Лизу.

Она сидела все в той же позе, в какой я ее оставил.

– Нормально – это никак. Значит, Лельки тебе мало. Может, ты Лизку хочешь? – с наигранным возмущением спросил бандит.

- Да нет, – мотнул я головой.

- Лизка, он тебя не хочет! – засмеялся Леший.

Ничего смешного я в этом не видел. И, судя по всему, Лизу это шоу тоже не веселило.

- Оставь человека в покое, – тихо и не очень смело сказала она. – Ему сейчас не до тебя.

Он за деньгами к тебе пришел...

– За деньгами?! – удивился Леший. – За какими деньгами? Разве мы не в расчете? Тебе не стыдно мне тут предъявлять?

- Мне стыдно?! – вне себя от возмущения выпалил я.

– Жадный ты, Вадик, нельзя так, – с издевательской ухмылкой попенял мне бандит. – Жадность фраера сгубила.

- Это не мои деньги. Это заводские деньги. Людям зарплату платить надо.

- Сколько их там у тебя, этих людей?

- Много.

- Хорошо, Лелькой расплатишься, всех бесплатно обслужит. Отвечаю.

- Издеваешься?

– Мы с тобой в расчете! – отрезал Леший, глядя на меня исподлобья.

– Нет!

Он резко поднялся, но я не сдвинулся с места, хотя меня и смутило это агрессивное движение.

– Пошел на хрен!

Я вышел из трапезной, но только для того, чтобы одеться. Не хотел я уходить отсюда без денег. Лучше уж пусть меня вынесут вперед ногами, чем уйти как побитая собака.

Я оделся, сел на скамейку. Вскоре появился Леший.

– Не понял! – посмотрел он на меня налитыми кровью глазами.

За его спиной появилась Лиза. Она махала мне рукой, показывая на дверь. Хотела, чтобы я уходил – или за меня переживала, или своему подонку дружку подыгрывала. Впрочем, не до нее.

– Я не уйду, пока не получу свои деньги!

– Не уйдешь? – свирепо спросил бандит.

– Нет!

– Ну, смотри!

Леший вышел из бани, громко хлопнув дверью.

Лиза с восхищением посмотрела на меня, но это не помешало ей покрутить пальцем у виска.

– Он же тебя сейчас убьет!

– Пусть!

– Давай сюда! – схватила она меня за руку и потянула за собой в трапезную. – Там окно в сортире! Решетки нет!

Но я не позволил ей увести себя, как быка на веревочке. Не тот я сейчас человек, чтобы спасаться бегством. Удила я закусил, теперь меня могла остановить только пуля. А к этому, похоже, все и шло.

В трапезную ворвался Вася Кайло, а с ним еще один «бык». Лиза глянула на меня как на покойника, над которым уже нависла крышка гроба, и вышла. Дверь за ней закрылась с таким звуком, с каким опускается на гроб крышка.

Кайло ничего не сказал. Он с ходу запустил в меня свой кулак-молот, но промазал. Я уклонился от удара, ответил ему хуком, который он, казалось, и не заметил. Он ударил снова, я отошел назад и оказался в углу. Кайло схватил меня за голову и мощно ударил коленкой в бок. И тут же добавил локтем в челюсть. Перед глазами у меня все поплыло, пол закрутился под ногами, но каким-то чудом я смог боднуть Васю лбом. Но это было все, чем я смог ему ответить.

Разъяренный, Вася обрушил на меня град ударов и сбил на пол. А еще к нему присоединился его дружок...

Я уже терял сознание, когда откуда-то издалека до меня донесся голос Лешего:

– Братва, сюда!

И тут же все прекратилось. Для меня. А для бандитов, как я понял, все только начиналось.

Они оторвались от меня и бросились на голос. Послышались крики, стоны, кто-то упал. Похоже, на улице шла бойня, но, возможно, это были фантазии моего умирающего воображения. Может, я уже и не живой, а мозг все еще работает...

Но вот перед глазами стало темнеть, сознание – тухнуть. Одно из двух – или я терял сознание, или окончательно умирал.

Голова тяжелая, гудящая, трескучая, перед глазами мутная качающаяся пелена с прорубями в ней, сквозь которые виднелось чье-то знакомое лицо.

– Вадик, ты, что ли? – спросил Миха.

Я сидел на полу, а он держал меня за грудки.

– Я.

Лицо распухло от ударов, один глаз почти затянулся, губы разбиты, нос, похоже, сломан, но зубы, кажется, все на месте. И язык послушный.

– За что они тебя?

– Деньги. Леший должен мне...

Слова давались легко, но сознание лежало, казалось, на саночках, которые вот-вот могли съехать с крутой горки в кромешную тьму. И каждое слово как будто сдвигало эти саночки с точки равновесия.

– Сколько?

– Много...

– Он ему должен, – донесся до меня голос Лизы.

– А ты заткнись, шлюха! – заорал на нее Миха.

Забыв обо мне, он разжал руки – я грохнулся на пол и сильно стукнулся затылком. И саночки покатались...

Салазки с шумом въехали на горку, и я увидел себя в машине, на заднем сиденье. Я слева, Лиза справа, а Миха – посередине. Впереди ехали какие-то парни с бритыми затылками, мощными шеями и широкими плечами.

– Я тебе этого никогда не прощу, поняла? – Голос Михи оглушил меня – в ушах зазвенело, голова разболелась.

– Ой, да ладно! – хмыкнула Лиза.

– Что, ладно? – возмущенно протянул парень.

– Если бы не простил, посадил бы...

– И высажу!

– Не высадишь... Ты в меня как лох втрескался!

– Кто лох?! – простонал Миха.

– Я сказала, как лох...

– Я не лох!

– Так никто и не говорит!

– Я твоего Лешего с дерьмом смешал!

– Замочил?

– Замочил!

– А где труп?

– Ну, я не в том смысле...

– А я в том! Может, и вломил ты Лешему, но он ушел. И теперь спрашивать с тебя будет.

– Задолбается пыль глотать!

– Леший не главный. За Лешим Серебряк, а он на положении. Не в законе, но почти...

Зря ты все это затеял!

– Всех, на хрен, порешим! – Миха повернулся ко мне и взволнованным голосом спросил:

– Оклемаля?

– Да есть чуть-чуть.

– Они бы убили Вадика, если бы не ты... Вадик, скажи Михе спасибо! – скорее в шутку, чем всерьез произнесла Лиза.

– Да я не гордый, я скажу.

– Не гордый! Говорила же, сваливать надо было! А если бы замочили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.